

Отрубить голову дракону

Автор:

Татьяна Гармаш-Роффе

Отрубить голову дракону

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе

Частный детектив Алексей Кисанов #27

Эта милая, красивая женщина казалась спокойной, но Алексей Кисанов чувствовал – ее к нему привела большая беда. Все несчастья свалились на Оксану разом: мужа оклеветали и лишили работы; дочь сбежала из дома, оставив странную записку; сына похитили. И, в довершение всех бед, муж, отправившись спасать мальчика, загадочно и бесследно исчез.

Отчаявшись получить от полиции ответы на свои мучительные вопросы, Оксана пришла к частному детективу. Теперь Алексею Кисанову предстоит разобраться в этих загадочных событиях, вернуть Оксане родных и наказать того, кто причинил ей столько зла, отобрав самых близких...

Татьяна Гармаш-Роффе

Отрубить голову дракону

Сюжет романа разработан при участии Вероники Гармаш

© Гармаш-Роффе Т.В., 2019

© Оформление. «Издательство «Эксмо», 2019

Часть первая

День 1

...Девушка бежала, хватая ртом воздух; глаза ее были огромными от страха и казались черными провалами на мертвенно-белом лице, которое хлестали костлявые ветки; луна едва освещала путь...

Уже давно никому не страшно, никто не замирает в ужасе, настолько картина стала привычной. В каждом пятом триллере есть такая сцена. Интересно, почему в роли жертв всегда оказываются красивые девушки? Некрасивой зритель не посочувствует? А старой? А мужчине?

Вечная загадка: кино делают идиоты – или кино делают для идиотов?..

В прихожей прогремел звонок. Алексей выключил телевизор, посмотрел в окно. Снег шел три дня без передышки и по колено завалил Москву – редкость по нынешним временам для декабря. Но сегодня небо расчистилось, и дальше по классику: и мороз тебе, и солнце, и день совершенно сказочный. Город пропах хвоей – все как очумелые тащили елки, и их верхушки, волочась хвостами, радостно взметали искры снежинок.

В кабинете частного детектива Алексея Андреевича Кисанова тоже было светло и ярко от солнечных граффити на белой стене и тоже пахло хвоей: в синей квадратной вазе на широком подоконнике зеленели еловые лапы, на которых залихватски сидел завиток серпантина. Посетительница все это заметила, вдохнула запах и грустно улыбнулась, присаживаясь у массивного письменного стола детектива.

Скромное обаяние сдержанности. Идущее изнутри ощущение самодостаточности, при котором нет нужды что-то демонстрировать, доказывать – зачем? Оно, как фимиам, овеивает облик человека, и тогда всё ему идет, всё к лицу: хоть черное, хоть красное, хоть серо-буро-малиновое.

Впрочем, новая клиентка одета не в серо-буро, а в рубашку оливкового цвета с высоким воротником (верхнюю ее одежду, шубу или что там, детектив не видел: в прихожей посетительницу встретил Игорь, ассистент). Пара пуговиц рубашки расстегнута, поблескивает какое-то золотое украшение, чуть ниже угадываются полукружья довольно пышной груди. Небольшие золотые сережки, темно-русская длинная челка, с изящной небрежностью падающая на высокий лоб, голубые внимательные глаза – все это сочеталось как нельзя лучше. Только, пожалуй, лиловые тени на веках не совсем вписывались в тон – Алексей потому и заметил их, что ощутил диссонанс, обычно он к таким подробностям невнимателен. Но это уже мелочь. Тем более что лиловость была неяркой, не кричащей – так, чуть-чуть. Алексею Андреевичу Кисанову (для избранных просто Кис) посетительница понравилась. Весь ее облик выдавал человека доброго и разумного, приветливого и уютного. Есть женщины, за которыми уют ходит, как собачка на поводке: куда бы они ни пришли, везде становится тепло и душевно, и быт будто сам по себе налаживается и обустроивается. Как прикинул Кисанов, лет ей было около тридцати трех – тридцати пяти, но в наше время женщины долго выглядят молодыми, так что истинный возраст новой клиентки детектив определить затруднялся.

– Оксана Георгиевна Шаталова, – представилась она. – Хотя можно без отчества.

Алексей кивнул: принял к сведению.

– Мне представляться нет нужды, – ответил он, – вы знаете, к кому пришли. Отчество по желанию. Чем могу помочь, Оксана?

Вопрос, в принципе, лишний. По логике вещей, раз уж человек обратился за помощью к частному детективу, он сам и скажет, за какой именно. Однако в жизни помимо логики существует психология. Люди часто теряются: одни стесняются, другим трудно начать с ходу говорить на болезненную тему, трудно подобрать слова. Посему Алексей давно взял на вооружение набор ничего не значащих вопросов – обычно они помогают клиенту заговорить о своей беде.

Но на этот раз не сработало.

– По дороге к вам я все время думала, с чего будет лучше начать, – произнесла Оксана. – Но так и не придумала.

– Стало быть, – заметил Алексей, – история длинная? Или событий в ней много?

– История как раз короткая, – вздохнула Оксана, – а вот событий в ней... Да, много. Слишком много для того, чтобы их пережить одному человеку... – Она сделала глубокий вдох, будто собиралась нырнуть. – Моего сына убили, – сказала она тихо. – Мой муж пропал, – произнесла она еще тише. – Моя дочь сбежала... – почти прошептала она, моргнув.

Вот же ж черт! Детектив был ошарашен списком, в котором каждое событие по отдельности уже было полноценной трагедией. Особенно смерть ребенка. Алексей Кисанов ненавидел истории, в которых погибают дети. Верно сказала Оксана: слишком много для одного человека. Для одной бедной души.

Однако нет, плакать мы ей не позволим, иначе и к концу дня до сути не доберемся.

– Какое из них было первым по хронологии? – «деловым голосом» спросил Алексей. У него в арсенале водился такой специальный голос, чтобы перешибать эмоции и возвращать клиента к мысли.

– По хронологии... – Оксана, немного помолчав, вдруг решительно откинула русую прядь со лба, будто дала стартовый сигнал самой себе. – Сначала убили моего сына. Или нет, не так. Сначала его похитили... Простите, я путаюсь. Сначала сбежала дочка...

Оксана наморщила лоб, потом с силой потерла его. И четко произнесла:

– Вот такая хронология: сначала Юру, моего мужа, обвинили в растрате денег его компании. Потом сбежала дочка. Потом похитили Антошу. А потом Юра поехал к похитителям с деньгами. И вот там, на какой-то лесной поляне, нашего Антошеньку застрелили.

Оксана уперлась взглядом в столешницу письменного стола, а пальцы ее правой руки принялись теревить украшение, возить по цепочке кулон в виде золотой пластинки, в очертаниях которой угадывался парусный кораблик. Только теперь детектив понял, что не тени на глазах Оксаны лиловые, – сами веки ее лиловые, припухшие. Много плакала она в последнее время.

– Мои соболезнования, – тихо произнес Алексей.

– У вас есть ребенок? – Оксана взглянула на него.

– Да.

У Алексея Кисанова на самом деле было трое детей, но посетительница пришла не за тем, чтобы слушать подробности его личной жизни.

– Тогда вы меня понимаете... – она прижала пальцы к уголкам глаз, словно желая воспрепятствовать слезам. – А муж исчез, – быстро добавила она, стараясь сохранить интонацию сухого отчета. – Не вернулся домой с той поляны.

– Его не нашли?

Алексей хотел спросить: тело не нашли? – ведь отец не ушел бы добровольно, оставив сына, живого или мертвого. Значит, он...

Но детектив пощадил Оксану, задал вопрос помягче.

– Лишь капли крови. Видимо, Юру ранили в перестрелке... Собаки взяли след, но уперлись в речку – там протекает мелкая речушка, как мне в полиции объяснили. После этой речки собаки след и потеряли.

У Оксаны на лице и шее проступили темно-розовые пятна. Она почувствовала это, прикоснулась к щекам ухоженными руками, потерла кожу.

– Это нервное, не пугайтесь.

Алексей кивнул.

– Кого-нибудь арестовали? – спросил он. – Личности преступников установили?

– Нет.

– Свидетелей обнаружили?

– Тоже нет. Полиция пришла к выводу, что кроме Юры там были еще два человека. Они убили моего сына и ранили мужа. А может, и убили. Или он позже умер от ран где-то в глухом месте...

Она снова умолкла и замерла, горестно глядя в стол, и пальцы ее все возили кораблик по цепочке.

У детектива сразу возникли вопросы – например, был ли вооружен сам Юра, сколько гильз нашли и сколько пуль, от какого оружия да как они оказались расположены на месте перестрелки, – но еще не наступило время, чтобы их задавать. Он еще не взялся за расследование: Оксана пока не сформулировала просьбу.

– Когда это произошло?

– Пятого октября.

А сегодня одиннадцатое декабря. Прошло два с лишним месяца. Это много. Чего же Оксана ждала?

– Расследовать лучше по горячим следам, – дипломатично заметил Кис.

– Я все надеялась, что полиция найдет Юру, что поймает убийц. И что дочка вернется...

– Она сбежала из дома, вы сказали.

– Да. Еще до того, как похитили Антошу. Юля так и не знает, какая беда у нас случилась.

– Об этом сообщали в прессе? По телевидению?

– Не могу сказать, не в курсе. Какие-то журналисты рвались со мной поговорить, но я всем отказывала, на звонки не отвечала, дверь никому не открывала. В таком состоянии была... Будто меня саму убили. Спасибо Ане – это моя подруга, – она сидела со мной, как с больной, даже ночевала у меня... Вы думаете, Юля могла как-то узнать из прессы о... случившемся? – Оксана явно не смогла произнести слов «о смерти брата». – Но тогда бы дочка сразу вернулась, не сомневайтесь! – в ее голосе слышалась убежденность.

– Не сомневаюсь, – кивнул Алексей. – И что я могу для вас сделать? – снова включил он «деловой голос». – У вас произошли три печальных события: сбежала дочь, погиб сын, исчез муж. Полиция, как я понял, ничем помочь не сумела, и вы пришли ко мне, частному сыщику. Чего вы ждете от меня? Чтобы я попробовал найти вашу дочь? Мужа? Установить, кто виновен в гибели сына?

Повозив украшение по цепочке, Оксана подняла наконец глаза на детектива:

– Всё.

– То есть...

– Найдите ответы на все мои вопросы.

Ого! Этого Алексей не ожидал. Прошло два с лишним месяца, полиция ничего не установила – и теперь он, частный детектив, должен дать Оксане ответы на мучающие ее вопросы?! Но это почти нереально... Если б она сразу обратилась, тогда б еще имело смысл попытаться. А спустя столько времени...

– Хорошо, – бодро ответил он. – Можем попробовать. Расценки на мою работу указаны на сайте, вас они устраивают?

– Да, не беспокойтесь.

Алексей вовсе не беспокоился – нет, он спросил в надежде, что клиентка вдруг спохватится и откажется от его услуг. Поскольку поставленная задача его отнюдь не вдохновляла. Это дело не из тех, которые разрешаются в три

прихлопа. Возможно, и в десять не разрешаются, или даже вообще не разрешаются.

– Мы живем... Я живу, – исправилась она, – в Подмоскowie, в Энске[1 - По русской литературной традиции, Энск или N-ск – означает некий вымышленный город.], преподаю английский и немецкий в частной школе, мне хорошо платят, плюс индивидуальные уроки. Так что не вопрос.

Алексей знал Энск: он разросся за последние два десятилетия из бывшего дачного поселка, который и в прежние времена был престижным. Скоростное строительство коттеджей и малоэтажных домов, которые застройщики сдавали целыми кварталами, и стремительное развитие инфраструктуры – школ, детских садов, поликлиник, магазинов класса «люкс», спортивных сооружений, клубов и ресторанов – превратили его в городок для состоятельных людей.

Неудивительно, что учительница частной школы хорошо зарабатывает.

– Ну что ж... Тогда приступим. Я должен задать вам уточняющие вопросы. Предупреждаю: придется влезать в личное. Случается, люди не понимают и начинают нервничать, а то и...

– Я понимаю. Не беспокойтесь.

– Отлично. Будем придерживаться хронологии. То есть начнем с побега вашей дочери. Юля, так? Что случилось перед этим? Вы поссорились?

– Пустячная ссора, ерунда, из-за такого не сбегает из дома. Она всего лишь прогуливала школу, притворяясь больной.

– Притворяясь?

– Она даже не особо скрывала, – вздохнула Оксана. – Сначала Юля заявила, что не пойдет на уроки, так как собралась ехать к своему парню. Это было очень неожиданно: она организованная девочка, самостоятельная, ее не приходится понукать, она сама знает, что следует делать и когда. А тут вдруг...

– То есть Юля влюбилась? Или у нее отношения с этим парнем уже давно завязались?

– Не могу вам сказать. Они играли в шахматы по Интернету на каком-то сайте, там и познакомились. Виртуальная любовь, понимаете ли. Думаю, это случилось за два-три месяца до ее побега. Она мне ничего толком не рассказывала, лишь как-то обронила, еще летом, что Том ей нравится...

– Том? Он иностранец?

– Не думаю. На сайтах у них у всех псевдонимы, клички.

– И где этот сайт обитает, по какому адресу, не знаете?

Оксана покачала головой.

– Я же не думала, что все может так повернуться... Не видела необходимости выяснять.

– Хорошо, – кивнул Алексей. – Вернемся к хронологии. Значит, Юля вдруг заявила: я еду к Тому, так?

– Примерно. А если точнее, то «завтра в школу не пойду, мне нужно повидаться с Томом».

– То есть Юля решила – или они вместе с ее Томом решили – срочно перевести свои отношения в реал?

– Видимо, – пожала плечами Оксана. – Дочка не пояснила.

– Ладно. Что было дальше?

– Я категорически запретила ей прогуливать школу. Я прекрасно понимаю свою дочь, я не против ее влюбленности, отношений с мальчиком. И я не стала бы возражать, если бы Юля попросилась уехать на выходной. Конечно, после проверки, что это за Том такой. Но вместо уроков? Это ни в какие ворота... Я не позволила.

– И тогда Юля притворилась больной, так?

– Да. И все равно прогуляла школу.

– Вам назло? Отомстила?

Оксана ответила не сразу. Золотой кораблик еще немного покатался по цепочке.

– Понимаете, когда подростки влюбляются, взрослые начинают казаться им врагами. Я не только по своей дочери знаю – я ведь в школе работаю, насмотрелась. У детей нет ничего важнее их влюбленности, у них «пожар любви», а взрослые талдычат: поздно не ложись, уроки делай, оценки хорошие приноси, в комнате убери. Полярная противоположность интересов, ценностей. Поэтому отношения сразу портятся.

– Значит, Юля прогуляла школу...

– И на второй день тоже. И на третий. А на третью ночь сбежала.

– Но она хоть как-то объяснилась с вами?

– Нет, только оставила записку. Не знаю, куда я ее задевала, – в таком была шоке... Но текст помню: «Мама, папа, не обижайтесь, но меня достала ваша опека, я хочу жить самостоятельно. Я уже взрослая, не пропаду, у меня есть друзья и есть дар.

Не ищите меня. Иначе я никогда не вернусь».

– Дар?

– Юля талантливая шахматистка. Победительница городского и районного первенств по шахматам. Наш мэр самолично вручал ей медаль! И скоро она должна участвовать в региональном турнире. Да вот, сбежала... Вы не подумайте, что у нас плохие отношения были, совсем нет!

– Я и не думаю, с чего бы?

– Ну как же, записка в таком тоне холодном написана, прямо ледяном, будто Юля нас не любит. Но, уверяю вас, она нас очень любит, у нас близкие,

душевные отношения, – грустно произнесла Оксана.

Кис верил. У такой уютной матери, как она, могут быть только уютные отношения с детьми. Такие, где всем комфортно. И записка дочери отнюдь не свидетельствует о плохих отношениях – это милая Оксана с по-настоящему «плохими» никогда не сталкивалась. В подобных семьях и вовсе записок не пишут. В подобных на родителей начихать – станут ли те волноваться, искать свое чадо, не спать ночами? А тут: «Мама, папа, не обижайтесь». Не обижайтесь – это равноценно извинению.

Однако записка девочки была и впрямь сухой, отстраненной. И главное, звучала не слишком убедительно. «Достала ваша опека»... Алексей ощутил нотку фальши в этих словах. Когда подростка действительно достали, он выражается иначе. Резче, что ли... И короче. А эта написана вежливо, хорошо воспитанной девочкой. Не вы, родители, меня достали, – это было бы несправедливо, Юля чувствовала, у них ведь душевные отношения в семье! – а опека достала. Будто Юля что-то другое имела в виду, но не сказала прямо.

И друзья, это кто такие? Девушка бежит к любимому, а ссылается на «друзей»... Несколько странно. Словно не хочет, чтобы родители знали, к кому она отправилась. Но какой в этом смысл, если они уже знают о ее намерении? Если из-за этого у них даже вышла ссора?

– Юля, она особенная, – продолжала Оксана. – Это девочка индиго, знаете, существуют такие дети?

– Что-то слышал, – неопределенно проговорил Кисанов, пошевелив в воздухе пальцами. – Но, признаться, так и не понял, о чем речь. И при чем тут индиго? Это ведь синяя краска?

– Сине-фиолетовая. Такое оригинальное определение запустила одна американка. В ее теории все путано, да и не теория это, по большому счету, а так, побасёнки. Собственно, Юля под ее определение не совсем попадает. Но все же речь идет о сверхталантливых детях, и мне нравилось называть мою дочь «девочкой индиго». Она с детства отличалась удивительно взрослым мышлением и в то же время необыкновенно развитым воображением.

– И ранимостью?

– Как раз нет, у Юли сильный характер. Она романтична, но не сентиментальна – нюни никогда не распускает. А почему вы спросили?

– Есть одна мысль... Скажите, вашего мужа, как я понял, обвинили в растрате до ее побега?

– Да, накануне.

– Вы не допускаете мысль, что девочка поверила в обвинение, потому и решила сбежать? Это только гипотеза, конечно, но предположим, что ей стало стыдно за отца. При этом ей было так же стыдно в своем стыде признаться, оттого и записка написана сухо... Что скажете?

– Нет, не поверила Юля, что вы! Ни она, ни я. Это какое-то недоразумение, я вас уверяю. Мы ни на минуту не усомнились в честности Юры. Юля отца утешала, что-то такое говорила – мол, мы обязательно докажем правду, найдем виновного! Наивная, что она могла найти и доказать? Юра, конечно, в депрессию впал, даже говорить не мог – сидел и смотрел в одну точку. А дочка все пыталась его растормошить... Но ей тяжело было, конечно. Может, вы правы, и она из-за этого все же решила убежать к своему Тому? – Оксана посмотрела на детектива, будто он мог дать ей ответ.

– Это одно из возможных объяснений, – произнес он, не слишком веря в собственные слова. – Нужно найти Юлю. Объяснения найдутся вместе с ней.

– Алексей Андреевич, я хочу, чтобы вы начали с поисков моего мужа, – заявила Оксана.

Детектив удивился. Обычно женщины больше волнуются за детей, чем за мужей. Оно и понятно: ребенок беззащитен, не сможет постоять за себя, тогда как мужчина... Он хотел было спросить, чем вызвано такое решение, но воздержался. Шаталова – клиентка, и выбор за ней. А почему да отчего, не его дело.

Однако Оксана решила пояснить:

– Я думаю, что дочка жива и здорова. А вот Юра...

– Откуда информация, что с вашей дочерью все в порядке? Она с вами как-то связывалась?

– Нет, но я же вам сказала: она убежала к тому парню. Я уверена.

– А что за друзья, которых она упомянула в записке?

– Даже не знаю, почему Юля так выразилась. Все ее друзья здесь, в Энске. Она имела в виду Тома, конечно.

– Его адрес, имя вам известны?

– Ну нет, боже мой, если были бы известны, я бы вас не просила! Она свой планшет забрала и телефон, так что никаких концов. Но я за дочку меньше волнуюсь, поймите, я все-таки представляю, куда она делась, я даже в розыск не подавала – а вот Юра... Что с ним случилось? Если жив, почему не возвращается домой? Почему мне одной пришлось убиваться над гробом нашего сына? А если Юра погиб... То я должна это знать. Хотя бы перестану прислушиваться по ночам к каждому шороху за дверью в надежде, что муж вернулся.

Алексей вспомнил: когда пропали Лизанька с Кирюшей, их с Александрой двойняшки, жена тоже первым делом пыталась найти его, Алексея, который очень некстати уехал тогда в командировку... Саша не знала, за что хвататься, куда бежать, как в одиночку пережить беду, свалившуюся на ее голову. Ей требовалась поддержка родного человека, мужа и отца ее детей[2 - Подробно об этом читайте в романе Татьяны Гармаш-Роффе «Расколотый мир»]. Так что желание Оксаны разыскать первым делом Юру совершенно понятно.

– Все-таки время от времени, – продолжила Оксана, – меня охватывает паника: вдруг я ошибаюсь, вдруг с дочкой что-то случилось?! Уговариваю себя – мол, она у своего парня, все в порядке... мне кажется, я это сердцем чувствую – но... Когда вы найдете Юлю, я хочу, чтобы муж был со мной рядом. Потому что если... Если что-то не так... Еще одной потери я не переживу. В прямом смысле.

Ну что ж, молодец, похвалил себя Кис, все правильно понял.

Тем не менее пожелание Оксаны заниматься поисками по очереди вступало в противоречие с принципами его работы. Он предпочитал загрузить в мозг задачу (вкупе со всеми известными фактами), чтобы она потихоньку там жила, пускала корни, давала побеги. Вроде бы совсем о ней не думаешь, как вдруг, между разными другими делами, приходит мысль. А там и другая. И так постепенно, будто вовсе не занимаясь следствием, начинаешь представлять ситуацию... Да-да, идеи развиваются в мозгу, как зерна в почве. Александра тоже так говорит: «Я забрасываю зернышко идеи в мозг, и оно там постепенно прорастает». Имея в виду идеи для статьи – она ведь журналистка. Но схема, видимо, общая.

Для прорастания зернышка требуется собрать максимум информации. Она как удобрение для ростка. И значит, необходимо задавать сейчас вопросы. Тогда как Оксана явно к этому не готова: все ее мысли, страхи и надежды концентрировались вокруг мужа. Прежде чем искать дочь и убийц сына, ей требовалось обрести «надежное плечо»...

Или расстаться с ним навсегда, если Юра погиб. Справить по нему траур, остановить воспаленную круговерть мыслей, перестать ждать.

– Хорошо, – произнес Алексей, – воля ваша. Давайте приступим.

– Прямо сейчас? – удивилась Оксана.

– Хотите подождать?

– Нет-нет, просто вы произнесли так, будто уже знаете, что нужно делать.

– Что делать – нет, не знаю. А вот в чем необходимо разобраться в первую очередь, это понять довольно просто. Здесь всего два варианта: либо вашего мужа похитили и где-то удерживают, либо он с места перестрелки ушел сам.

Либо его убили и тело спрятали — существовал еще такой вариант. Но детектив озвучивать его не стал.

– Как похитили? – воскликнула Оксана. – Не может быть! В полиции сказали: Юра получил ранение и куда-то побрел, собаки ведь взяли след!

– В том, что его ранили, сомнений нет. Эксперты ведь установили, что кровь, следы которой обнаружили на поляне, принадлежит вашему мужу, не так ли? Но ушел ли он сам? Или его увели?

– Полиция такой вариант даже не предположила... Они уверены, что Юра, раненый, двинулся в глубь леса, не разбирая дороги...

– Может, так и было. Но мы этого не знаем наверняка. Пока у меня имеются две гипотезы: Юра ушел сам, или Юру увели. Необходимо проанализировать каждую из них. Для этого нужно, чтобы вы, во-первых, рассказали мне подробности похищения сына, а во-вторых, показали место происшествия.

– Я не знаю, где это, – покачала головой Оксана, – я там никогда не была. Толик предлагал меня сопровождать, но я отказалась: сами посудите, каково это – ехать смотреть, где убили вашего ребенка!

Слезы капнули на столешницу.

– Кто такой Толик? – Детектив по-прежнему не давал женщине погрузиться в тяжелые воспоминания. Ей еще придется это сделать, и не раз – ведь детективу предстояло задать ей множество вопросов, – так что эмоции следовало поберечь.

– Анатолий Овчинников, муж моей подруги Ани. Я говорила вам, она первое время со мной находилась днем и ночью...

«Первое время» – это после гибели Антоши. И исчезновения Юры, вспомнил детектив.

– А Толя в полиции работает, – добавила Оксана.

– У вас отношения хорошие?

– Да. Аня тоже учительница, мы с ней давно дружим, а постепенно и наши мужья подружились... Все праздники справляем вместе.

– Так это просто замечательно! Позвоните ему прямо сейчас и спросите, не согласится ли он сопроводить меня на ту поляну. Только сразу же предупредите его, чтобы не говорил обо мне у себя в полиции.

– Почему?

– Профессиональная конкуренция. Если я, частный детектив, найду хоть что-то, крутым парням из полиции будет обидно.

– Как в детском саду?

– Именно. Игры самолюбия. У мужчин это очень развито.

Алексей слукавил. Причина на самом деле была несколько иной: род классовой неприязни. Мужики в полиции нередко относились к частному сыщику как к буржую, который ни хрена не делает (разве что за неверными женами следит), а бабки при этом лопатой огребают. Отчего не стремились сотрудничать. А то и палки в колеса вставляли. Но Оксане объяснять этот нюанс Кис не счел нужным: ей ни к чему такие подробности, у нее друг полицейский.

– Сколько времени до вас ехать?

– Полчаса от МКАДа, если без пробок.

– Отлично. Анатолию скажите: мы выезжаем сейчас из центра Москвы, а как только доберемся, сразу ему телефонируем.

Оксана кивнула и принялась набирать номер. Она немного отошла от Алексея, но он слышал их разговор. Овчинников откликнулся охотно, пообещал не болтать о частном детективе – что одного детектива порадовало.

– Да, и карту! – шепнул он Оксане. – Карту местности пусть прихватит! Бумажную.

Оксана просьбу передала и отключилась.

– Толик будет ждать нашего звонка. И карту обещал.

– Хорошее начало. Вы на машине?

– Нет, я на большие расстояния не отваживаюсь... Там у себя езжу повсюду, а в Москву боюсь. Меня подруга к вам подвезла – та самая Аня, Толина жена. Но потом уехала по своим делам. Я собиралась вернуться на электричке...

– Поедем на моей, а по дороге расскажете все подробности.

– Зачем? – взбунтовалась вдруг Оксана. – Что это даст? Я и так вам много чего рассказала, а детали... Если честно, мне совсем не хочется их вспоминать.

– Я же вам объяснил, – терпеливо пояснил Алексей, – эти люди могут удерживать вашего мужа в плену. Стало быть, необходимо собрать максимум информации о них.

– Но ведь полиция ничего не сумела установить...

– Поэтому вы ко мне и обратились, разве не так? Я понимаю, Оксана, вам больно обо всем этом думать, но... Либо я берусь за расследование, либо нет. Если берусь, то буду задавать вопросы, в том числе и неприятные, и болезненные. Я вас уже предупреждал. И у вас еще есть время передумать.

– Простите, я что-то... – Оксана снова откинула челку со лба и посмотрела детективу в глаза. – Я не передумаю. Задавайте ваши вопросы.

– В машине, по дороге. Не будем терять время, надо поймать остаток дня, пока светло.

* * *

Дорога, окруженная заснеженными деревьями, казалась непривычно узкой – ветви, прикрывшись белыми шубейками, зрительно скрадывали пространство, да и сугробы по обеим сторонам шоссе усиливали эффект. Однако машины шли ходко, без пробок.

Как и предполагал Алексей Кисанов, у истории оказалась предыстория. Правда, Оксана предпочла начать ее с конца, и детективу пришлось задавать вопросы, чтобы добраться до завязки.

Итак, скупо сообщила Оксана, мальчика похитили и потребовали за него выкуп в размере шестидесяти шести миллионов рублей. В долларовом эквиваленте.

– Почти миллион зеленых, – заметил детектив. – Если бы запросили в рублях, пришлось бы целый грузовик бумажек пригнать...

– Я как-то не задумывалась, отчего они потребовали выкуп в валюте, не до того мне было, – сухо отозвалась женщина.

– Разумеется, – согласился Алексей. – Но я по привычке ищу объяснение каждому факту. Иначе можно проскочить мимо важной для расследования подробности... Вот, например, в данном случае запрос на валюту объясняется, скорее всего, объемом бумажных купюр, а не тем, что бандиты собрались бежать за границу. Впрочем, неизвестно. Еще факт, требующий объяснения: почему именно шестьдесят шесть миллионов? Обычно вымогатели называют круглые цифры. Складывается впечатление, что именно такой суммой располагал ваш муж и они об этом как-то узнали.

Оксана сидела на пассажирском сиденье и с самого начала пути – и их диалога – смотрела прямо перед собой. Но сейчас она покосилась на Алексея, как раненая собака при приближении ветврача.

Ну да, больно, милая, я понимаю, больно. Но делать нечего, я и впрямь тут за доктора, который залечит (будем надеяться...) ваши раны.

– Не было у нас такой суммы, Алексей, не было! Юра поехал на место сделки с чемоданом нарезанной бумаги и пистолетом. Сначала он хотел попробовать с вымогателями поторговаться. То есть не торговаться, я неверно выразилась, базарное слово какое-то... а объяснить, что у нас подобных сумм нет, что это ложный слух, и уговорить бандитов взять двадцать миллионов рублей, – их бы он смог реально наскрести наличкой за два дня, которые они нам дали... Но потом Юра решил, что с бандитами переговоры бессмысленны. И взял с собой пистолет. У него разрешение на оружие есть. Об этом я уже потом узнала, от полиции...

– Какой марки пистолет?

Оксана покачала головой.

– Я просто была в курсе, что оружие в доме есть. А какая там марка или модель...
Никогда не интересовалась.

– В полицию вы обращаться не стали?

– Вымогатели сказали: если заявим, то не видать нам нашего мальчика...

Алексей кивнул: иного он и не ожидал. Классический модус операнди похитителей.

– Вы упомянули, Оксана, ложный слух. Поясните, пожалуйста.

Женщина вновь покосилась на Алексея.

– Вряд ли это связано, – неохотно проговорила она.

– Ну как же не связано, Оксана? Посудите сами: прошел некий слух о сумме, которой располагал ваш муж, и именно ее затребовали похитители! Разве полиция не заинтересовалась этим совпадением?

– Это не совпадение... – она помолчала. – Неприятно об этом вспоминать, но раз нужно...

– Нужно, – подтвердил Алексей.

Оксана тяжело вздохнула и принялась рассказывать.

Несколько лет назад Юрий Шаталов основал с двумя друзьями инвестиционную фирму. Один из них уже давно жил в Энске, занимался недвижимостью и оброс нужными связями в городе, отчего фирму было решено открыть именно там. Им

дали «зеленый свет», мужчины быстро раскрутились, дела пошли в гору. Юрий с Оксаной и раньше не бедствовали – Шаталов в бизнесе не новичок, – но теперь они зажили на широкую ногу. Перебрались в Энск, купили землю, построили просторный дом. Оксана оставила работу на кафедре в столичном инязе, стала преподавать в дорогой частной школе Энска. Много времени уделяла детям, водила на занятия: Антоша фехтованием увлекся, Юля балетом, позже шахматами...

Но в конце сентября случилось ужасное, необъяснимое и непоправимое. В кабинет Юры ворвались его партнеры, размахивая распечатками договоров, и обвинили его в том, что он перевел деньги в подставную фирму. Фирма являлась подрядчиком на выполнение комплекса строительных работ, в сумме стоивших шестьдесят шесть миллионов... да только вдруг бесследно испарилась, а вместе с ней и миллионы. Друзья не могли поверить, что Юра допустил ошибку и не проверил должным образом делового партнера, – с ним никогда не случались подобные проколы. Поэтому они не сомневались, что Юра их «кинул», прикарманив деньги. Или «прикайманив», как они выразились: вывел через эту подставную фирму бабки в офшор на какие-нибудь Каймановы острова.

Когда Юра взял распечатки и прочитал, то страшно удивился: он никогда не видел и не подписывал эти документы. Однако на них стояла его подпись – точнее, очень похожая...

Он клялся, что сделку с данным подрядчиком не заключал. Но ему не поверили. Говорили: либо пусть вернет украденное, либо они разрушат его репутацию, и больше никто никогда с ним дела иметь не будет, только в дворники останется идти... Однако Шаталов ничего не мог поделать: он не мог вернуть деньги, которые не брал. Оксане он поклялся родительскими могилами, что это какая-то подстава, он никогда не имел дела с той левой фирмой...

– Я Юре верю, – твердо произнесла Оксана. – Я знаю своего мужа. Он не вор! Это ужасное недоразумение, необъяснимое!

Теперь Алексей понял, отчего она пыталась избежать подробностей. Рассказывать, что твоего мужа обвинили в воровстве, куда как неприятно.

– Конечно, – кивнул он, – будем из этого и исходить.

– Из чего? – не поняла Оксана.

– Что Юра не вор. Его подставили.

– Кто?!

– Откуда же мне знать, – пожал плечами Алексей. – Вот начну искать вашего мужа, а там, глядишь, и махинатор обнаружится... Компаньоны в полицию заявили?

– Нет. Они предложили Юре: если он не хочет судебных разбирательств, пусть уходит, оставив все, что вложил в фирму, свой пай. Юра был вынужден согласиться. Через несколько дней появилась статья в местной газете, где моего мужа прямо назвали вором. Соседи, знакомые, друзья перестали с нами разговаривать. Юра лишился всего: и состояния, и репутации... А потом кто-то воспользовался информацией в статье и решил, что можно «грабить награбленное». И похитил нашего Антошу...

– Сумма, которую запросили в качестве выкупа, соответствовала той, что ушла в подставную фирму?

– Да. Цифра была названа в газетной статье...

Оксана едва удерживалась от рыданий, и Кис решил больше вопросов не задавать. По крайней мере, до конца пути. Хотя информация пока никак не укладывалась в его мозгу, не сортировалась по полочкам, как обычно. Нет, она прыгала шариком для пинг-понга, отскакивая от плоскости в самых неожиданных местах и попадая рикошетом в еще более неожиданные.

Странное дело, странное.

* * *

Анатолий Овчинников, мужчина лет сорока пяти, с военной выправкой, сухопарый, чернявый с редкой проседью, с жесткими густыми усами, из-под которых виднелась неожиданно розовая, по-девчачьи вздернутая верхняя губа, ждал их возле дома Шаталовых. Мужчины познакомились, пожали руки, и

Анатолий забрался в джип детектива, тогда как Оксана, наоборот, его покинула: не хотела она ехать на ту поляну.

– Теперь вы знаете, где мой дом, – произнесла она, открывая калитку, – как закончите, милости просим. Чаю там или чего покрепче...

С этими словами она исчезла за кустами ограды. Алексей проводил ее глазами, испытывая одновременно сочувствие и невольное облегчение: боль, которая выжгла душу этой женщины, ему казалась радиоактивной – она испепеляла все, что находилось в радиусе ее действия.

Он тронулся; Овчинников подсказывал ему дорогу. Ехали недолго, минут двадцать. Лес начинался сразу за окраинным жилым кварталом.

– А теперь помедленнее... – проговорил Толя, – два месяца назад тут все было зелено, а теперь не сразу и узнаешь то место... Вот, кажется, тут... Да, точно! Сворачивайте на просеку.

Алексей повернул, утонув колесами в снегу, и метров через пятьдесят по левую сторону открылась поляна. Заснеженная, словно укрытая пышной периной, она голубовато светилась в лучах низкого оранжевого предзакатного солнца.

– Мы тут не пройдем. То есть пройдем, если очень надо, но снегу по пояс примерно. Лучше разверните машину к поляне носом, я вам из окна покажу.

Алексей последовал совету, и теперь поляна была хорошо видна через лобовое стекло. Анатолий махнул рукой в коричневой кожаной перчатке.

– Вон, смотрите, три толстых дерева с правой стороны. Перед ними нашли Юрин чемодан с типа деньгами. Похоже, он сначала за этими деревьями прятался, а потом вышел, чтобы показать чемодан похитителям. А слева – повыше, не напротив стволов, а немножко по диагонали, видите, где высокие кусты, – сейчас через них все просвечивает, листьев-то нет, а тогда они были густыми, хорошее укрытие – там засели бандиты с мальчиком. На этом месте нашли Антошиного зайца... Заяц у мальчика такой был, серый, с висячими ушами и белым пузиком, Антон его с собой везде таскал...

– Пули, гильзы обнаружили? – поинтересовался Кисанов. – По ним картину перестрелки удалось составить?

– Ну, приблизительно, – кивнул Овчинников. – У Юры, по мнению экспертов, был «стечкин», поскольку первые две гильзы оказались недалеко от деревьев, за которыми он прятался. Мы думаем, дело было так: Юра не знал, где прятались похитители. Так что он в назначенное время просто вышел из своего укрытия, продемонстрировал чемодан и крикнул, что деньги принес, но сначала потребовал показать сына. Похитители как-то обнаружили себя – что-то крикнули в ответ, наверное, – и Юра дважды выстрелил. В его сторону полетели ответные пули. Мы нашли гильзы и пули от «браунинга»: думаем, один пользовался пистолетом «ИЖ-71». А на поляне обнаружили еще пули от травматик. Поэтому мы решили, что похитителей было двое. Соответствующих гильз не нашли – значит, это был травматический револьвер. Эта перестрелка, первоначальная, была так, не всерьез, показательная. Каждая сторона ею будто заявила: со мной не шути, я вооружен.

– А как вышло, что ребенка убили?

– Малец каким-то образом сумел выскочить на поляну. Видимо, побежал к отцу, на голос... И его застрелили. Может, и нечаянно. Пуля от «ИЖ-71» пробила затылок и вышла через лобик... Вот тогда Юра пошел в наступление. У него же «стечкин» был, «АПС», так он включил автоматический режим и двинулся в сторону бандитов. А те его ранили. Чем, мы не смогли установить. Пули от травматик не все удалось собрать, они резиновые, металлоискатель не берет, только три нашли в траве, а сколько их было? От «ИЖ-71» с помощью металлоискателя обнаружили, но тоже не все. По соотношению с гильзами не хватает трех. Одной мальчика убили... Две другие в Юру попали? Или мы их не нашли? Иди узнай теперь.

– Где обнаружили следы его крови?

– Да прямо на теле Антоши и рядом. Там и трава была примята: Юра свалился, когда его ранили.

– Мальчика убила пуля от «ИЖ-71», вы сказали. Это точно?

– Так в заключении экспертов написано.

– Хорошо, что не Юра его застрелил, – произнес Кисанов.

– Вы чего такое говорите-то?! – опешил Анатолий.

– Ребенок выбежал на поляну неожиданно, по вашим словам. Пуля могла в него попасть с любой стороны. Только отец бы этого себе не простил. Сам бы застрелился.

– Хм. Это да...

– А похитителей Шаталов не ранил?

– Вряд ли. Никаких следов крови, ничего. Они наверняка залегли ничком, когда Юра стал палить очередями.

– А что-нибудь, на них указывающее? Отпечатки на ветках-листьях, окурки, жвачки?

– Нет, – отрицательно покачал головой Овчинников.

– Как быстро вы обнаружили место перестрелки?

– Вскорости. Нам позвонил один грибник, сказал, что слышал выстрелы. Он думал, браконьеры. Правда, он сначала вернулся домой, у него то ли мобильный разрядился, то ли связи не было, так что прошло полтора часа с момента, когда он услышал стрельбу. Ну, мы сразу выдвинулись. Когда приехали, никого не застали, только Антошу мертвого... Ни Юры, ни бандитов. Они так быстро слиняли с поляны, что даже чемодан не тронули. Он так и валялся у деревьев. А Юра почему-то вглубь леса пошел, мы по каплям крови отследили, хотя их было совсем мало. Мы запросили помощь кинологов, я привез его рубашку, Оксана дала, и собаки взяли след. Но только до речки нас довели. Она мелкая, но на том берегу псы ничего не нашли. Может, он по воде шел какое-то время, не знаю. Вдруг в голову ранение получил, ничего не соображал...

– А след похитителей собаки не взяли?

– Так нам же нечего было им дать для ориентира!

Алексей еще некоторое время созерцал поляну, будто прикидывая что-то. Затем попросил Овчинникова отметить место на карте.

– Вы в ближайших деревнях и дачных поселках о Юре спрашивали?

– Естественно. И фотографии расклеили, в розыск его объявили. Но никто не отозвался.

– Документы у него с собой были?

– Нет. Всё дома лежит. Да и зачем ему документы брать на такое дело?

– А мобильный? По нему не пытались найти?

– Отключен.

– Машина?

– На месте осталась, на обочине... Так что Юра без опознавательных знаков, так сказать, ушел.

* * *

Детектив высадил Анатолия у дома Оксаны, но сам из машины выходить не стал, сразу помчался в Москву.

Уже стемнело. Столица празднично переливалась огнями, машины еле ползли по запруженной дороге: предновогодние походы горожан по магазинам увеличили чуть ли не вдвое и без того перенасыщенный поток транспорта. Алексей собрался было отправиться к себе в офис, чтобы поразмыслить над картой, но ему вдруг остро захотелось домой – к детям, к Саше. Он никогда не видел мальчика Антона, о его существовании узнал лишь несколько часов назад, но нелепая смерть чужого ребенка засела в его мозгу занозой. От нее было больно. От нее мозг воспалялся. И срочно требовалось лекарство: уют и тепло любимой

семьи.

Только поздно вечером, когда сказка на ночь малышам была уже прочитана, колыбельная спета, и они сладко уснули в своих кроватках, Алексей уселся с женой на кухне, разлил вино по бокалам и придвинул к себе тарелку с ужином. Александра рассказывала о своей новой статье, он слушал, хоть и несколько рассеянно, и ел без аппетита.

– Алеш, что-то не так? – спросила чуткая Александра. – Ты сегодня будто встревожен... Новое дело?

Алексей кивнул.

– Не то чтоб встревожен, нет, родная. Просто оно...

– Сложное?

– Пока не знаю. Но грустное. Ребенок погиб.

Александра придвинула свой табурет поближе к мужу, продела руку под его локоть. Некоторое время они сидели молча – просто пили вино. Потом Алексей осторожно высвободился.

– Я побуду в кабинете, подумаю.

Саша поднялась, поцеловала его в макушку и принялась убирать со стола.

...Итак. Итак-так-так, с чего начнем?

Алексей сидел перед компьютером, на экране которого висел новый документ, чтобы делать пометки по ходу мысли.

Объяснить исчезновение Юрия Шаталова можно тремя способами, – застучал по клавиатуре детектив.

Первый: он погиб.

Второй: его держат в плену.

Третий: он жив и на свободе, но есть иные причины, по которым он не возвращается домой.

Первое объяснение Кис находил маловероятным. Дело происходило в самые первые дни октября, погода в этом году стояла отличная, осень выдалась теплой, а народ у нас любит по лесу гулять, пикнички организовывать, по грибы-ягоды ходить. И данный лес не глухомань какая-нибудь, он совсем рядом с Энском, вокруг множество дач – то есть гуляющих здесь много. Так что, если бы Юрий умер от ран, его тело рано или поздно обнаружили бы. Причем скорее рано. И вызвали бы полицию.

Но его не обнаружили.

Второй вариант теперь, когда детектив узнал историю перестрелки в лесу, ему тоже казался сомнительным. Ребенка похитили дилетанты. Начнем с того, что они не уследили за ним и позволили выскочить на поляну. Ни один настоящий вымогатель этого не допустил бы. Ребенок для него – залог получения денег, ценность. И эту ценность обычно оберегают очень рьяно. Чаще всего вообще не привозят на место сделки. А уж если и привозят, то со всеми мерами предосторожности. Тогда как в данном случае на мальчика внимания никто толком не обращал, связан он не был – и, завидев отца, побежал на поляну. Домчался до середины и оказался в эпицентре перестрелки.

В том, что Антошу застрелили намеренно, Кис очень сомневался. Да, увы, часто бывает так, что ребенка-заложника в конечном итоге убивают, а не возвращают родителям. Но не на глазах у родителей – это лишняя, неоправданная жестокость. Тем более когда родитель принес выкуп: чемодан с почти миллионом зеленых – и они его на том этапе еще не получили. Да, в чемодане была бумага, но вымогатели об этом пока не знали. Так что ни к чему им было от мальчика избавляться в тот момент.

За версию с дилетантами голосовал еще один факт: тело Антоши оставили на поляне. Это можно объяснить только шоком, который преступники испытали, нечаянно застрелив его. Матерый бандит спрятал бы тело подальше от места

преступления, чтобы не оставить полиции ни малейших подсказки и улики. Более того, он бы непременно кинулся к чемодану с деньгами: раненый Шаталов ему помешать уже не мог. Но Анатолий сказал, что чемодан так и валялся на поляне, его даже не открыли. А это говорит о панике. Скорее всего, преступники пришли в ужас от содеянного. Отморозков, способных хладнокровно убить ребенка, на самом деле не так уж много на свете.

Но раз там были дилетанты, то гипотеза, что они вдобавок ко всему похитили Юру и держат его в плену, представляется изрядной натяжкой. Даже если бы у них оказались для этого причины (которых Алексей решительно не видел), – они бы просто не сумели сорганизоваться. Наиболее вероятный расклад таков: они побежали с той поляны сломя голову, поняв, что не только застрелили мальчика, но вдобавок ранили Шаталова. В их планы это не входило. Оружие они взяли для остротки, не думая, что придется пускать его в ход... Об этом же говорит и расположение некоторых пуль, о чем сказал Анатолий Овчинников: несколько выстрелов были сделаны в воздух, чтобы напугать обезумевшего Шаталова.

Короче, мальчика похитили дилетанты. Похищать в придачу его отца им было и незачем, и не по зубам. Только если Юрий видел их лица? Да не просто видел, а узнал? Но и в этом случае какой смысл его держать где-то взаперти? Проще было добить Шаталова, уже и так раненного...

– Спокойной ночи, Алеша, – Александра вошла в кабинет. – Я...

Она, кажется, собиралась пошутить – они обожали подкалывать друг друга, – но, посмотрев на сосредоточенное лицо мужа, передумала. Подошла, положила ему руки на плечи.

– Как тебе такая опция: сейчас пойти спать, а к размышлизмам приступить с утра, на свежую голову?

– Сашка, я уже два пункта продумал, – проговорил Кисанов, не отрывая глаз от монитора. – Остался третий, он же последний. Уйти сейчас спать – это как не досмотреть детективное кино!

Александра рассмеялась и закрыла за собой дверь.

...Пункт третий. Алексей перечитал на экране свои скупые заметки. Значит, Юрий Шаталов скорее всего жив и вряд ли в плену. Тогда где он?

Детектив разложил карту на столе. Практически во все населенные пункты, окружавшие этот участок леса, полиция Энска заглянула: Юрий ни в одном не засветился.

Он ушел дальше? Маловероятно, ведь он был ранен.

Остается одно: кто-то сердобольный подобрал его на дороге. Скорей всего, на вот этой, перерезавшей лес севернее, как раз там, куда можно выйти, если перейти речку. Овчинников сказал, она довольно мелкая, вброд вполне преодолима.

Увы, в какую сторону поехала машина, мы не знаем. Может, направо, может, налево...

Стоп! Знаем мы, очень даже знаем: в больницу! В самом деле, если исходить из предположения, что Шаталова подобрал сердобольный водитель, куда еще он/она мог/могла отвезти раненого?

Алексей открыл Яндекс-карты и стал искать больницы, расположенные в радиусе десяти километров. Вот, в самом Энске есть, и еще в одном городке неподалеку...

Ох ты черт! Нет, это тупик. Кис не учел: любая больница сообщила бы об огнестреле в полицию. Врачи обязаны.

Значит, не в больницу.

Или не огнестрел.

Напечатав целую строчку вопросительных знаков, Алексей закрыл документ. Сегодня ему не удалось досмотреть «детективное кино» и узнать финал. Оказалось, что это не просто кино, а целый сериал, с продолжением. Придется отложить «размышлизмы» на завтра. Не потому, что уже поздно, и не потому, что Алексей устал, – нет. Он хотел поскорее скользнуть в постель к Саше. Она

еще наверняка не спит, и он успеет ее обнять, прижать к себе, ощутить радость и покой, которые всегда давала ему близость с любимой. Ну, а если уже заснула, он просто полежит рядом, послушает, как она дышит. И тоже заснет, каждой клеточкой тела ощущая присутствие родного человека.

День 2

Как-то Александра ему сказала: «Не будь у меня самой работы, требующей сосредоточенного сидения перед компьютером, я давно бы взвыла от твоего образа жизни. Вечно глаза в экран, вечно тебя не дозовешься: ты ничего не слышишь, ничего не видишь – ты думаешь!»

Что верно, то верно: Саша – журналистка, тоже постоянно глаза в экран, размышляет над статьей, пишет, правит, доводит до совершенства. Так что два сапога пара. Им страшно повезло.

Хотя вовсе и не повезло. В смысле, никакого везения тут нет. Они изначально сошлись, потому что каждому нравилось, что другой занимается умственной работой. Иначе бы они вряд ли...

Надо же, какая чушь в голову пришла. Вспомнить только, как он, Алексей, мучился от страсти к Сашке! Мучился, терзался, морочился. И умственная деятельность тут совершенно ни при чем. Она, деятельность эта, тогда вообще чуть дуба не дала – стоило ему посмотреть на Сашкины плечи, шею, рот...

К чему это он, собственно, вспомнил?

Ах, вот к чему: с утра пораньше, едва выпив кофе, он уже засел за компьютер. Другая женщина, верно, взвыла бы – а Сашка ничего, поцеловалась с ним и отправилась за свой рабочий стол, к своему экрану. Ни ссор, ни конфликтов – сплошное взаимопонимание. Вот такая родная, вот такая любимая, вот такая умница его жена. И он – он тоже умник, никогда не ноет, если Александра работает. Не ревнует ее к компу, к статьям, телефонным разговорам – да и вообще ни к кому не ревнует. Потому что он, Алексей Кисанов, не ревнив. Сашке повезло с ним. Не муж, а клад.

...Итак-так-так, на чем он вчера остановился? Ага, вот: Шаталов не мог оказаться в больнице с огнестрельным ранением: врачи бы донесли соответствующим органам. Следовательно, он либо там и не оказался, либо ранение не было огнестрельным.

Первый вариант почти нереален. Куда мог податься раненый, кто оказал ему помощь, если не медики и не в больнице? Только разве пуля прошла навылет, не задев при этом крупные сосуды, не раздробив какую-нибудь кость... Но и в этом случае рана была достаточно опасной: инфекция, воспаление и прочие прелести. Значит, кто-то помог ему: делал перевязки, обработал антисептиком. Но кто этот добряк? Как к нему попал Шаталов?

Если он не засветился в ближайших деревнях и поселках, то девяносто девять процентов, что его подобрала машина. Сердобольная селянка? Увидев на шоссе окровавленного мужика? Да она от страха вдавила бы газ до упора!

Минуточку... Крови было немного, сказал Анатолий Овчинников. И Шаталов почему-то пошел по речке. Специально, чтобы смыть ее с себя?

Но это означало бы, что он все действия совершал абсолютно сознательно. Овчинников же предположил, что Юрий ничего не соображал из-за раны. В таком случае он либо получил пулю в голову (бывает, что человек остается жив после контузии), из-за чего мозговая деятельность нарушилась, – либо ранение было очень болезненным, отчего сознание его мерцало на грани обморока. И медицинская помощь ему действительно остро требовалась...

Однако в больницу он не обратился.

Между прочим, он мог уехать и на автобусе. Карта показывает: по этому шоссе ходит автобус, петляя между поселками... Деньги у него наверняка имелись – мужчины часто носят какое-то количество купюр в карманах. Но снова и снова: раз от водителя не поступало заявления, значит, Шаталов выглядел весьма прилично. В смысле, не окровавленный. И не на грани обморока.

Более того, пусть не машина и не автобус – но какие-то пешие люди наверняка встречались ему на пути! И никто «Скорую» не вызвал (иначе, снова-здорово, Шаталов обнаружился бы в больнице).

И все ведет к тому, что ранение оказалось не очень сильным, а кровь он в речке смыл.

Но все это наводит на мысль, что Юрий Шаталов сбежал. Не пропал, а скрывается, причем совершенно осознанно. Да только с какой стати? Он ведь не преступник!

А что, если...

А вдруг он думает, что Антошу убила его пуля?

Более того, он ведь перевел свой пистолет в автоматический режим и стрелял без разбору по тому месту, где засек похитителей Антоши. В силу чего Юра вполне мог предполагать, что убил их.

И вот, считая себя убийцей сына и еще двух человек, он решил бежать. Понимал, что доказать свою правоту и невиновность в такой ситуации будет крайне сложно. Кроме того, как смотреть в глаза жене, если он (как думал) сам застрелил их ребенка?! Потому он и пошел по воде: не просто омыться, но и замести следы...

Очень неплохая версия. Есть в ней только одно «но»: увидев сына, выскочившего на поляну, Шаталов, скорее всего, прекратил стрельбу. Он наверняка направился к мальчику и, если и продолжал палить в похитителей, то с огромными предосторожностями, чтобы не задеть Антошу. Волю он дал себе потом, когда увидел, как внезапно упал, бездыханный, его сын. К этому моменту он прошел примерно треть поляны, и с этого места полился свинец в автоматическом режиме, как установила баллистическая экспертиза. То есть вероятность, что именно его пуля попала в мальчика, ничтожно мала...

Алексей потер лоб, поднялся, сходил на кухню, сделал себе увесистый бутерброд с сыром и очередной кофе. Александра выпорхнула из ванной нарядная, красивая, душистая: пора в редакцию.

– Умственная работа сжигает много калорий! – хохотнула она, кивнув на бутерброд, и исчезла в прихожей.

– То-то я так отощал в последнее время, – пробормотал Алексей, чье телосложение было худощавым от природы.

– Чао! – крикнула любимая жена, закрывая за собой дверь квартиры.

– Чао-какао... – задумчиво откликнулся детектив, возвращаясь в кабинет.

И что у нас в результате получается? Основная альтернатива вот такая: либо Юра был в полном сознании и исчез намеренно – спрятался, считая себя убийцей (что все же маловероятно); либо рана его не способствовала ясному мышлению, и он пошел по воде, не разбирая дороги. Вода холодила тело (все-таки начало октября, пусть и «бабье лето»), а прохлада приглушала боль...

Но в этом случае он, придя в себя через какое-то время, вернулся бы к Оксане! Только если...

Только если травма не отшибла ему память. Пуля в голове? Это с большой вероятностью отшибло бы не только память, но и жизнь.

Тогда... удар по голове?

Удар...

Но как?

Некоторое время Алексей сидел, прикрыв глаза, восстанавливая в памяти очертания заснеженной поляны. Для простоты он представил ее в виде прямоугольника, более узкой стороной – в геометрии называемой «шириной» – обращенной к той точке, где находилась его машина. Кусты, за которыми укрылись похитители, находились в верхней точке слева, почти на стыке длины прямоугольника с его шириной. А деревья, за которым поначалу прятался Юрий Шаталов, были на противоположной стороне, справа, и ниже примерно на треть длины прямоугольника. Если обходить поляну поверху, кратчайшим путем, то от одной точки до другой будет метров сто с небольшим. Примерно полторы минуты.

Алексей представил: вот Шаталов, увидев сраженного пулей сына, открывает огонь, а оба похитителя вдавливаются в землю. Они не смеют даже головы поднять, а Шаталов при этом двигается к центру поляны, где лежит тело ребенка. Но оттуда и до бандитов рукой подать! В ужасе один из них отползает, затем бежит, прячась за кустами, в сторону шаталовского убежища, деревьев. Добравшись до них, он выходит на поляну позади Юрия и тихо подкрадывается к нему. Тот, оглушенный отчаянием и собственной стрельбой, шагов не слышит. Возможно, он в этот момент уже наклонился к телу сына – ведь капли его крови позже нашли прямо на мальчике... Отчего преступнику было сподручно ударить Шаталова по голове. Допустим, он подобрал увесистый сук. Или обошелся рукоятью пистолета. Травматический револьвер весит почти килограмм, удар получился бы неслабый. А если их нанесли несколько...

Вот вам и травма головы. Возможен такой сценарий?

Возможен.

И тогда понятно, отчего кровопотеря оказалась незначительной: от удара тупым предметом большой раны не возникло.

И еще понятно, что у человека после полученных ударов с головой было плохо.

Но самое главное, с ней плохо и теперь: потеря памяти.

Именно поэтому Шаталов не объявился до сих пор: он не помнит, кто он и откуда.

Алексей откинулся на спинку кресла. Подобный расклад объясняет все. Это не значит, что так и было на самом деле: не исключены и другие варианты. Они никогда не исключены, даже при самой логичной версии. Но на другие варианты ничто не указывает, посему будем придерживаться найденного объяснения.

Он созвонился с Толей Овчинниковым и Оксаной и сразу выехал в Энск.

– Вы что-то сумели найти? – бросилась к нему Оксана, едва он вошел в дом.

– Пока я сумел подумать. Но результат раздумий неплохой, мне кажется.

И Алексей принялся излагать свои соображения.

Первый вариант – тот, в котором Юра скрывается сознательно, – Оксана и Толя отмели единодушно.

– Уж кем-кем, а трусом Юрка никогда не был! – заявил Толя.

– Это невозможно! – горячо поддержала Оксана. – Даже если бы Юра нечаянно... если бы его пуля попала в Антошу... Все равно он бы не бросил меня наедине с таким горем, нет! Тем более что Юлька уже сбежала, он знал, что я совсем одна осталась...

Ну что ж, тем лучше. Второй вариант детективу и самому нравился больше. И он к нему перешел.

– ...Вот почему я думаю, что причина исчезновения Юрия – потеря памяти, – закончил излагать Кис.

Анатолий был заинтригован; однако на лице Оксаны отобразилось недоумение.

– Это вы все... – начала она неуверенно, – извините, я правильно поняла: это вы все придумали?

– Продумал.

– В смысле... Это все только идеи?

Похоже, логические построения женщину не впечатлили.

– Разумеется. Фактов пока нет. Но чтобы их найти, нам нужно знать, в каком направлении искать. И мои идеи, как вы выразились, помогут направление определить.

– Да, конечно, извините, я понимаю. Чем мне вас угостить? – спохватилась Оксана.

– Ничем, спасибо.

На самом деле Кис страшно проголодался, но попросить поесть он почему-то постеснялся.

– Хороший ход мыслей у тебя, – одобрил Анатолий. – Насчет амнезии. Мы почему-то до этого сами не допетрили.

Кис пожал плечами в ответ, чтобы избежать дискуссий на тему, отчего не «допетрили».

– В полиции больше бегают, чем думают, – добавил Овчинников. – На думалку времени не хватает. А если не бегаем, так бумажки пишем... Слышь, давай на «ты»?

– Без проблем.

– Оксанка, – бодро воскликнул Овчинников, – ну что стоишь, как не родная? Сваргань нам чего-нибудь перекусить, да запить принеси!

Толин простецкий тон не сочетался ни с этим домом, ни с его хозяйкой, но он муж ее коллеги и подруги Ани, и его давно приняли в компанию. Впрочем, возможно, Юрий Шаталов изъясняется в таком же духе. Оксана, конечно, нет, она ведь учительница, речь у нее правильная, интонация «культурная», но Толю воспринимает без снобизма, что делает ей честь.

– Да я... – попытался возразить Алексей, но тщетно: Толя уже уволок Оксану на кухню и принялся шуровать там вместе с хозяйкой, будто у себя дома.

Алексей воспользовался паузой, чтобы обойти гостиную и рассмотреть семейные фотографии. Их имелось множество, кто-то – скорее всего, Оксана – делал из них коллажи на большой пробковой доске. Юрий Шаталов оказался кареглазым шатеном с мягким выражением глаз и двумя ямочками на щеках; Антоша был похож на отца, а Юля – на Оксану, такая же красивая, светловолосая и

светлоглазая. Однако при всем сходстве она была иной: выше и тоньше матери, и главное, выражение лица на всех фотографиях у нее совсем другое: не радушно-улыбчивое, как у Оксаны, а задумчивое, даже сосредоточенное, словно Юля постоянно обдумывала что-то. Наверное, у нее в мозгу неизменно крутятся шахматные задачки, решил Кис.

Впрочем, на снимке, висящем в отдельной от семейного коллажа рамочке, Юля сверкала ослепительной улыбкой, которая ее невероятно красила. Сверкал улыбкой и какой-то мужик за сорок, который показывал залу – они с Юлей стояли на сцене – плотный лист бумаги с надписью «ГРАМОТА» и медаль в виде королевской шахматной короны.

– Это мэр? – спросил Алексей, когда из кухни появились Оксана и Толик, оба с подносами.

– Да, – поставила Оксана свой поднос на стол и принялась расставлять на столе тарелки с мясной и рыбной нарезкой. – Он наградил Юлечку медалью, когда она выиграла городскую олимпиаду среди девочек по шахматам. А вон там, – она указала на другой снимок, тоже в рамочке, висевший на противоположной стене, – он вручает ей медаль «Гордость Энска».

Снимок оказался почти двойником первого, только Юля на нем была неуловимо старше: в юные годы имеют значение даже несколько месяцев, на которые взрослеет ребенок. Но девушка была столь же ослепительна.

Толя составил со своего подноса на стол бутылки с водой и виски.

– Или тебе льду надо? – спросил Толя, усаживаясь. – Оксанк, хлебушка нарежь, а? Мы с тобой хлебушек забыли.

Некоторое время ушло на еду. Алексей на виски не налегал, выпил чуть-чуть, дабы поддержать компанию в лице Толика (хозяйка пила морс), затем попросил кофе.

– А ваша версия может оказаться неверна? – спросила Оксана, и лицо ее снова пошло красными пятнами от смущения.

– Может, – Алексей посмотрел ей в глаза. – Но у нас пока нет ни одного факта, от которого можно было бы с уверенностью оттолкнуться в построении версии. Так что остается надеяться только на логику.

Видимо, он недостаточно детально изложил ход своих умозаключений. Или недостаточно внятно. Отчего Оксану – в отличие от Толика, в силу профессии привыкшего хватать версии на лету, – не сумел убедить.

– Давайте еще раз рассудим, вместе. Хотите?

Оксана неуверенно кивнула. Пятна на ее лице стали бледнеть, – значит, немножко успокоилась.

– Я исхожу из того, что Юрий не попал ни в больницу, ни в полицию. Иначе бы вам уже сообщили, не так ли? Значит, не попал. И как мы можем это объяснить?

– Что нигде не упал, сознание не потерял и... И не умер. Вы так сказали.

– Верно. И крови на нем не было, иначе бы прохожие вызвали «Скорую» или полицию. Вы согласны?

Оксана кивнула и снова принялась возить свой золотой кораблик по цепочке.

– Могло ли сложиться иначе? – продолжал Алексей. – Могло. В жизни всегда есть место случайностям. Например, хоть он и шел довольно долго, однако никого не встретил, ни одной души. Это маловероятно в лесу, окруженном дачами, когда еще грибной сезон не сошел, но не исключено. Или, допустим, некий водитель не испугался его разбитой головы и одежды с пятнами крови, взял Юрия к себе в машину, не побоявшись запачкать сиденье, – и это в вашем районе, где живут весьма обеспеченные люди, имеющие очень дорогие машины. Это тоже маловероятно, но исключить подобный расклад нельзя. Однако просчитать случайности мы не можем. А вот логику выстроить – можем. Посему я и считаю, что крови на Юре, когда он перешел речку, уже не было. Он ополоснул лицо и голову холодной водой. А как считаете вы?

– Согласна... Вы меня извините, Алексей Андреевич, я не должна была выражать сомнение...

– Почему же? – не дал ей договорить детектив. – Еще как должны! Во-первых, вы на них имеете право, как любой человек. Во-вторых, имеете право их озвучить, поскольку являетесь заказчиком. И в-третьих, сомнения помогают отточить доводы. Они часть мозгового штурма, если угодно, – улыбнулся он.

Оксана наконец улыбнулась в ответ.

– Ну, а раз не было крови – или остались незначительные следы, то ранили его не из огнестрельного оружия. Иначе бы Юрий просто так кровь не остановил...

– Я помню, помню, – перебила его Оксана. – Всё, я согласна с вами!

– А ты, Леха, терпеливый, – похвалил детектива Овчинников. – Мне вот часто не хватает выдержки с ба... Ладно, продолжай, – он покосился на Оксану: понял, что едва не ляпнул что-то обидное то ли в ее адрес, то ли в адрес всех женщин.

– Итак, я вам рассказал, почему считаю, что Юру могли ударить по голове пистолетом. Или, допустим, увесистой палкой, которую преступник подобрал по пути. Его не намеревались убивать, его только хотели остановить, чтобы он прекратил стрельбу. Но после травмы Юра выглядел, скорее всего, как пьяный: и пошатывался, и ничего не соображал. Запекшаяся кровь на голове вполне вписывалась в образ алкаша. Понятно, что ни в полицию, ни в больницу никто сообщать не стал: пьяные у нас слишком частое явление... Ну, сомнения еще есть? – улыбнулся Алексей.

Оксана замотала головой.

– Из вас вышел бы отличный педагог, – улыбнулась она Алексею.

– А вышел детектив. И вроде неплохой, – усмехнулся тот. – Лады, тогда остановимся на версии с потерей памяти. Теперь скажите мне оба: как повел бы себя Юрий в такой ситуации? Когда и физически плохо, и голова не варит? Вы его знаете в отличие от меня. Он бы обратился к кому-нибудь за помощью?

– В каком смысле? – неуверенно спросила Оксана.

– Представьте: в подобном состоянии, после травмы головы, ему наверняка хотелось лечь. Может, принять таблетку от головной боли. Может, хотелось пить или даже есть. Он попросил бы незнакомых людей о помощи?

– Я не знаю... – растерялась она. – Если он плохо соображал...

– Это не в мозгу, – возразил Кис, – а в характере. Характер же проявляется на автомате. Бывают люди замкнутые, к примеру. Иным неловко просить. Тогда как открытым натурам совсем несложно заговорить с посторонним. Попросить воды, спросить дорогу. И эти качества сработают сами по себе, даже когда человек почти ничего не соображает.

– Юра как раз «открытая натура» и есть, – вставил Толик, – общительный. Да, Оксан?

Женщина кивнула.

– В этом случае... Смотрите, какой у нас расклад. Толик, поправь меня, если что не так скажу. Значит, тут в поселках по большей части дорогие дома, верно? И вероятность обнаружить в них сердобольную бабоньку, которая пожалела бы «пьяного», крайне мала. Да и не пробиться к ней через высокие заборы и ворота с камерами. А то и с охраной. Верно излагаю?

– Верно, Леха.

– А сохранились ли еще настоящие деревни в округе?

– Да. Но там больше старики доживают, – ответил Толик.

– Именно то, что нужно. Если кто и пригреб Юру, так какая-нибудь добрая старушка. Или старичок.

– Но они далековато, километров пять будет, а то и шесть. Ближние уже давно снесли, город растет.

– Вы исходили из того, что Юра получил огнестрельное ранение в голову, в связи с чем не мог далеко уйти. А я склоняюсь к версии, по которой Шаталов получил

удар тупым предметом, пистолетом или тяжелой палкой. После такого удара человек может держаться на ногах довольно долго. Тогда как после огнестрела – вряд ли, ведь пуля осталась бы в голове или прошла навылет, – так и так плохо. Поэтому в вашей версии вы правы: он бы не дошел. Логично, что вы его не искали в деревнях, которые находятся «далековато». Но в моей версии Юра вполне был способен добраться до них. Кроме того, как я вам уже сказал, прохожие принимали его за пьяного, и Шаталов мог спокойно отлежаться под каким-то кустом, отдохнуть, поспать и двигаться дальше, не привлекая к себе особого внимания.

– Ну ты даешь, – мотнул головой Овчинников. – И чего ты такой умный?

– Не в уме дело. Чтобы найти ответы, нужно просто задавать вопросы.

– Кому?

– Самому себе, собеседнику, космосу, неважно. А подавляющее большинство людей удовлетворяется первой информацией, не копая дальше, не спрашивая «как» да «почему». Поэтому и верят разным врунам, между прочим. И прессе. И соцсетям.

– И что, ты предлагаешь никому не верить? – нахмурился Толя.

– Почему же? – усмехнулся Алексей. – Но прежде чем верить, спроси: а на основании каких фактов подобное утверждается? Где источник? Вот, смотри, для примера: гуляло недавно по социальным сетям фото с кучей убитых собак. Утверждали, что московская мэрия велела их пристрелить. Но на фотографии не видно ни одного здания, которое могло бы помочь определить место съемки, только пустая земля. Какие доказательства, что дело в Москве происходило? Да и вообще в России? Может, в Ираке, может, в Китае? Однако в Интернете такие дискуссии разгорелись, люди сами озверели, друг на друга кидались, на московскую мэрию. А она, возможно, тут ни при чем. И только один участник усомнился в происхождении фото – один, представляешь? Остальные мгновенно приняли утверждение на веру. Никаких вопросов не задали.

– Да понятно, – сердито ответил Овчинников. – Объясняешь, как маленькому!

– Извини, я просто распалился, – миролюбиво ответил Алексей. – Так что с деревнями? На карте показать можешь?

Кис достал из портфеля карту, которую дал ему накануне Овчинников, разложил на столе. Толя склонился над ней с ручкой. «Вот эта... и эта...» – бубнил он, обводя кружками названия населенных пунктов.

– Спасибо. Начнем с первых. Если там Шаталова не обнаружим, будем двигаться дальше.

– Да ты уж сам как-нибудь, – распрямился Толя. Задела его речь детектива, явно задела. Или не речь, а тот факт, что Алексей сумел выстроить убедительную версию, сидя в кресле, исключительно благодаря умению «задавать вопросы».

– Толь, а у вас разве не висяк?

– Ну и чего?

– Чего-чего, не хочешь, что ли, его раскрутить? Я на лавры не претендую, все тебе отдам. Глядишь, и премию слупишь.

– Ага, и суп с лаврушкой.

– Чего? – не понял детектив.

– Из лавров твоих, – кривовато усмехнулся Овчинников.

– Ага, – согласился Кис. – Видишь, сплошная тебе выгода. Ну что, ты в деле?

Анатолий задумчиво погладил ус.

– Надо Юрины фотки растиражировать, – наконец соизволил он ответить. – Ходить будем по отдельности, два мужика вместе могут стариков напугать. По тем же соображениям начинать надо утром, часиков в десять-одиннадцать, чтобы успеть в самое светлое время дня. Так что сегодня мы уже опоздали.

– Лады, – согласился Кисанов. – Могу подключить своего ассистента, втроем быстрее управимся.

– На фиг? Мы что, по две деревни в день не обойдем? Ну и на следующий день закончим. Их тут всего шесть, ближайших.

– Значит, завтра приступаем? – спросил детектив, уступая Овчинникову бразды правления.

Тот в ответ важно кивнул.

– И вот еще что, детектив: начинай с магазина. Продавщицы всегда все знают. Оксанк, мы тут у тебя завтра снова соберемся, лады?

День 3

...Следы Юры обнаружились в первый же день поисков в той деревне, которую обходил Толя Овчинников. Он сразу позвонил Алексею, и детектив подтянулся в указанное место.

Мария Тихоновна, старушка лет восьмидесяти двух-трех, с маленьким круглым личиком, похожим на печеную картошку, проживала в крайнем доме. Или в первом, смотря с какой стороны в деревню входить.

Она открыла им, вытирая руки о фартук. «Проходите, проходите», – обрадованно повторяла она, провожая гостей в небольшую комнату с печью. Видимо, ее одиночество нечасто нарушали гости. На столе лежала россыпь гречки – перед их приходом Мария Тихоновна перебирала крупу.

– Толик, голубок, поставь чайник, может?

Овчинников уже переговорил с ней, – отчего, собственно, и позвонил детективу, поняв, что старушка на какое-то время приютила Юрия Шаталова, – и стал ей уже будто родным.

– У меня травки всякие полезные, сделаю вам чайку целебного, – приговаривала Мария Тихоновна, суетясь у кухонного стола.

Под потолком и впрямь висели пучки разной сушеной травы. Мужчины из вежливости согласились. Им не терпелось услышать подробности, но чай – это священная церемония на Руси, приглашение к разговору. Безалкогольный вариант предложения «сообразить на троих».

Память у Марии Тихоновны оказалась хорошая, на зависть подрастающему поколению, и она отлично помнила, как в первых числах октября появился у ее калитки молодой мужчина. Сослепу она приняла его за своего племянника Мишу, поскольку ростом и статью он был очень похож, обрадовалась редкому гостю, проводила в дом и принялась хлопотать, собирая на стол. Потом глядь, а гость спит. Завалился на лавку, глаза закрыл и все, не добудиться его. Мария Тихоновна забеспокоилась, очки нашла, чтобы рассмотреть Мишу получше: что с ним? А оказалось, никакой он не Миша...

Старушка, однако, чужака не испугалась. Он смирный был, вежливый, хоть и малоразговорчивый. Вот только не сказал, что не Миша он, – обманул, стало быть. Но когда не-Миша проснулся – а это уж совсем поздно вечером случилось, да и не сон у него был, а, поди, обморок... – вот тогда-то и выяснилось, что не помнит бедолага своего имени. И вообще ничего не помнит: ни где живет, ни с кем живет. Мария Тихоновна его голову ощупала, нашла большущую шишку и запекшуюся кровь с правой стороны затылка. Принесла зеленку – лучше средства нет, она всех своих детей и внуков зеленкой выходила! – намазала голову да полотенцем мокрым обвязала. Накормила гостя, потом спать уложила, веря, что утро вечера мудренее.

Однако и утром гость не вспомнил, кто он да откуда. Уговорились, что Мария Тихоновна будет его звать Мишей, раз уж так у них повелось со вчерашнего дня, а там, глядишь, и всплывет у него в памяти имечко. И пока пусть поживет у нее. И ей веселее, – а то она все тоскует одна в доме, – и помощь в хозяйстве мужская пригодится. Тут прохудилось, там развалилось, огород запущен: трудно стало Марии Тихоновне справляться, в ее-то годы. А Миша оказался довольно рукастым, хоть и не чета, конечно, ее покойному мужу: тот все умел, что ни скажи. У этого Миши хорошая была черта: он помогал с охотой. Настоящий же Миша, который племянник, работать страшно не любил, да и зятя Марии Тихоновны тоже, и, что уж говорить, дочери работу деревенскую не жаловали, белоручками сделались в городе. Только старшая бралась помогать по

хозяйству, когда приезжала. Но приезжали дети редко... Так что Миша (который не-Миша) оказался Марии Тихоновне очень кстати и много полезного в доме сделал.

А потом зима накатила. Дороги развезло, темень, в огороде уже делать нечего, да и в доме Миша все починил, что сумел. Стал он тосковать. Мария Тихоновна чувствовала: уйдет скоро. Печалилась, да куда деваться-то? Не удержишь мужика, чай она не красна-девица...

Так оно и вышло. В начале декабря Миша сказал: «Вспомнил я, Мария Тихоновна, кое-что. Не все, но вот: женат я, в Москве у нас с женой квартира. И Юрием меня зовут. Фамилию никак не поймаю, крутится в голове, только думаю ее ухватить, а она выворачивается и уплывает, будто селедка...»

– Что еще он вспомнил?

Мужчины пили душистый травяной чай. Предусмотрительный Толя принес две упаковки печенья, выложил на стол. Мария Тихоновна унесла их куда-то, а им выдала к чаю окаменевшие сушки.

– Это не от жадности, не подумай, – шепнул Овчинников детективу. – Бедствуют старики. А рядом такие поселки...

Толя умолк, не закончив фразу. Понятно, почему: он и сам жил в «таком» поселке. Но обычно человек, даже с развитой эмпатией, не думает о бедственном положении ближнего, пока не столкнется лицом к лицу с удручающей нищетой. Что уж говорить о тех, кого природа лишила способности сочувствовать.

– Еще... – Мария Тихоновна задумалась. – А, вот чего сказал: детей у них нет. А они хотят.

Мужчины переглянулись. Вот те номер. И что же это Юра вспомнил? Жизнь с Оксаной в Москве, еще до рождения детей и переезда в Энск?

– Имя жены не называл?

– Катя.

Мужчины снова переглянулись. У Юры имеется любовница?

– А адрес? Может, записал его вам? Мол, заходите в гости, если в Москве окажетесь?

– Да ты что, мил человек, как же я в Москве-то окажусь? Дети мои по другим городам разъехались, а самой мне туда не добраться... Не говорил он ничего про адрес. Но обещал меня навестить, как только семью найдет. С гостинцами, сказал, приеду, чтоб к Новому году...

Может, конечно, и приедет, подумал Кис, но ждать Юру тут, у старушки, они не станут. Сами его найдут.

– Телефон свой тоже не оставил?

– Телефон? Погоди-ка, милоч, телефон свой он выбросил! Сказал, что сломался. А я его из мусорного ведра... Сейчас-сейчас, куда же положила? Жалко мне было вещь, дорогая ведь, починить же всегда можно! Думала, может, кому из детей моих пригодится... – старушка шуровала по ящикам старого лянлого буфета с резьбой в виде виноградных гроздей. – Вот он! – Мария Тихоновна торжествующе подняла над головой айфон последней модели.

Толя взял его первым, покрутил в руках.

– Надо к нему зарядку найти. Может, просто разрядился, – протянул он мобильный Алексею.

– Или батарея пришла в негодность, пока Юра по речке гулял. Я завтра в Москве куплю новую. А ты пока у Оксаны шнур поищи и поставь на зарядку. Мало ли, вдруг сработает. И спроси, знает ли она пароль от телефона мужа. На его письменном столе домашнем поищи, люди часто записывают на каком-нибудь листке, календаре, ежедневнике...

– Ты меня учишь азам, не пойму я? – обиделся Толя.

– Что ты! Я так, машинально, мысли вслух... И, Толик, пока ничего про «любовницу» Оксане не говори.

– Вот уж не мог я подумать, что у Юрки есть баба на стороне!

– А с чего ты взял, что есть? – урезонил Толю детектив. – Может, это бред, сфабрикованный его искаленной памятью? Вспомнил женщину да почему-то решил, что она его жена. А она, может, сестра! Так что молчок, не стоит расстраивать Оксану, пока не проверим факты. Ты ей хорошие новости привезешь: Юра жив, и исчезновение его объяснилось! Не скрывается он от жены, не в бегах, не похищен – просто не помнит. Сразу скажи ей, что память скоро вернется, все будет тип-топ. Пусть Оксана наконец порадует! А то на нее смотреть больно...

– Ты что же это, меня кинуть хочешь?

Анатолий смотрел недовольно.

– Сам не справишься разве? Хорошую новость сообщать легко и приятно!

– Так она же спросит: ну и где он, Юрочка мой?! А я чего буду отвечать? Как ты хочешь, чтоб я про бабу ту не рассказывал? Нет уж, поехали вместе, сам выкручиваться будешь.

Овчинников был полностью прав. Кис не вдумался в ситуацию, не представил ее. Казалось, сегодняшняя программа выполнена с блеском, следы Юрия Шаталова обнаружались, информация положительная – ну и все, можно домой!

А вот и нельзя. Оксана, конечно же, спросит, где сейчас муж. И отвечать что-то надо... И это его работа – ему за нее деньги платят, ему и отчитываться о результатах.

– Ты прав, едем вместе, – отозвался он.

Толя тут же принялся названивать:

– Анка, не поверишь, мы Юрку нашли! Приехать сможешь? Маме лучше?.. Жена сейчас у матери, но обещает подтянуться, – доверительно сообщил он детективу. – Да, постарайся! – вернулся он к трубке. – Представляешь, какая новость! Пир закатим!

– Я вернусь через десять минут, подожди меня, – сказал ему в свободное ухо Алексей и сел в машину.

В деревенском магазине он закупил полный багажник консервов, круп, сахара и прочей бакалеи, а также печенья, варенья, конфет. Вернулся к Марии Тихоновне. Толя все еще разговаривал с женой, слегка преувеличивая свои заслуги в нахождении Юриных следов. Но Алексея это не волновало. Он выгрузил из багажника сумки, наскоро расставил банки и пакеты по полкам в доме Марии Тихоновны, испытывая страшную неловкость при виде благодарных слез на морщинистых щеках, и сел в свой джип.

– Хорош, кончай болтать, – махнул он Овчинникову и, подождав, пока тот усядется в свою тачку, тронулся.

* * *

Оксана выскочила из дома, едва завидев их машины.

– И где же Юра? Толик, Алексей, вы ведь нашли его?!

Кис слегка растерялся. Откуда она...

А-а-а, Толик ведь жене позвонил! Ну, ясно.

– Анюта мне рассказала, – возбужденно говорила Оксана, и на лице ее снова проступили красные пятна. – Она сейчас подъедет, Толь, ее маме лучше! Мы отпразднуем эту новость! Боже милостивый, спасибо тебе!

Алексей не был согласен с такой адресацией благодарности, но спорить не стал.

– Но где же Юра, где он? Мы можем поехать к нему? Прямо сейчас?

– Оксанк, мы пока не знаем... Пойдем в дом, мы тебе все объясним, – и он покосился на детектива: призрак любовницы омрачал радость.

– Да, пойдемте в дом, пойдемте! Я сейчас стол накрою, и Анюта подтянется, закатим пир!

– Я очень рад, что нам удалось... – начал было Алексей, но решил не соперничать с «божьей милостью» и смял фразу, – рад, что нашелся Юрин след. – Но на ужин я, к сожалению, остаться не смогу, мне придется откланяться: дела.

– И слышать не хочу! – вскричала Оксана, ухватила детектива за рукав куртки и буквально потащила к дверям. – Такое событие, и все благодаря вам!

Детектив усмехнулся: эта трактовка ему нравилась больше.

– Мы должны вместе отметить! – сыпала восклицаниями Оксана. – А хоть позвонить Юре можно?

Они уже вошли в дом, остановились в гостиной.

– Давайте присядем, – предложил Алексей.

Оксана насторожилась. Казалось, даже ухом повела, как кошка. Но послушно села, сплетенные руки положила на колени.

– Итак, как вы уже знаете от Ани, мы обнаружили следы Юры в деревне у одной бабушки, Марии Тихоновны, – начал Кис. – И вы также знаете, что после ранения у вашего мужа случилась потеря памяти.

Оксана кивнула.

– Как вы и предполагали...

– Да. Юрий добрал до дома Марии Тихоновны, и она поначалу приняла его за своего племянника... – повествовал Алексей.

– Погоди, давай расскажем по порядку! – встрял Овчинников. – Как мы его искали, как нашли...

Понятно, Толе нужна его «минута славы». Да только Оксане все это по барабану. Ее интересует исключительно то, что напрямую связано с мужем, а не с этапами умозаключений сыщиков.

– Толик, – нерешительно проговорила она, – расскажешь потом, а? Сейчас, если можно, про Юру... Его там уже нет? У этой старушки?

– Он прожил у Марии Тихоновны два месяца. Но в начале декабря он... Слышь, Толик, надо телефон на зарядку поставить, – вспомнил Кис.

– А, да, черт, забыл совсем. Оксанк, шнур от Юриного айфона где, не знаешь?

– Это Юрин? – вскочила Оксана и, взяв в руки мобильный, любовно его погладила. – Он его у бабушки оставил? Шнур должен быть в кабинете, в первом ящике письменного стола слева, посмотри, Толь. Так что же случилось в начале декабря?

– У него воспоминания стали всплывать. Но какие-то давние. Так часто бывает при амнезии: сначала возвращаются более ранние по хронологии события. И у Юры вдруг забрезжило в памяти, что он живет в Москве. Он собрался и ушел от Марии Тихоновны, которая его приютила.

– Толя, свози меня потом к ней, я отблагодарю ее за то, что заботилась о моем Юрке! – воскликнула Оксана. В голосе ее послышались слезы.

Алексей, который по роду деятельности сталкивался исключительно с бедами человеческими, знал, как несчастье изматывает нервы, как разрушает здоровье, обессиливая тело и дух. Одно из последствий этих разрушений – депрессия и повышенная склонность к слезам. Ему самому не пришлось пережить подобное (к счастью!), но у близкой подруги беда пару лет назад приключилась: она потеряла сына. И Алексей видел, как в мгновение ока всегда спокойная, улыбчивая женщина превратилась в скорбную, с постоянными слезами на глазах «Пьету». Ту «Скорбящую» Микеланджело, которая произвела на них с Александрой сильнейшее впечатление в соборе Святого Петра в Ватикане... Надо отдать должное Оксане: она изо всех сил старалась держаться и не

плакать.

– Но куда же Юра отправился? По какому адресу?

– К сожалению, Мария Тихоновна не знает. Он вспомнил некую Катю. В вашей орбите есть такие?

– Катя? – удивилась женщина. – Есть, в принципе, какие-то Кати... Моя двоюродная сестра, еще Юрина племянница... Но почему он вспо... А, погодите! Может, это его первая жена? Она тоже Катя!

Уф, пронесло, ура, никакой любовницы нет, – Кис хлопнул Толика по плечу.

– Навязчивая особа, – продолжала Оксана. – Юра был уже в разводе, когда мы с ним познакомились. Они прожили вместе недолго, меньше трех лет, Юра от нее быстро сбежал... Во второй раз замуж она не вышла, по крайней мере, в период нашего с ней общения. И всячески пыталась вернуть Юру. Все время звонила, приставала с просьбами о помощи, зазывала его к себе... Иной раз даже сама к нам заявлялась – мы тогда в Москве жили, причем недалеко от нее, так случайно получилось. Так вот, она заявлялась то с цветами, то с пирогами. Юра всегда удивлялся, отдавал их мне, но я-то понимала, что эти знаки внимания были ему предназначены... Предлоги она находила разные, чтобы зайти. То крышку тюбика не может открутить, то рамочка для фотографии сломалась... Все время притаскивала какие-то вещицы на починку. Я даже подозревала, что она нарочно их ломает... Катя на жалость давила, стиль такой: мол, я одинокая женщина, к кому же обратиться за помощью, как не к бывшему мужу. Когда-то таким же способом она обаяла Юру: своей якобы беспомощностью. А он у меня рыцарь, вот и купился... Только тогда Катя была юной девицей, беспомощность ей шла, но годы летели, а она все ту же роль играла. И уже сильно переигрывала... Я не ревновала, хотя ее бесцеремонные появления в нашей квартире были мне неприятны. Да и Юре тоже. Мы терпели-терпели, жалели ее, но все же пришлось указать ей на дверь. Сказали прямо, вернее, Юра сказал: больше не приходи. Тебя здесь никто не ждет. В общем, с трудом отделались. И когда всё закрутилось с бизнесом в Энске, мы были, честно говоря, рады переехать подальше от Кати.

– Детей у них с Юрой не было, как я понял?

Оксана покачала головой.

– Не заряжается, – появился Толя на пороге гостиной. – Батарейка сдохла. Знаешь чего? Я ща в сервисный центр сгоняю, тут недалеко, за двадцать минут обернусь.

– Отличная мысль, – кивнул Алексей. – Фамилию ее помните? – повернулся он снова к Оксане.

– Да как не помнить: Шаталова, как и я. Она после развода оставила себе Юрину фамилию.

– А девичью?

– Нет. Я никогда и не знала.

– Досадно, но ничего, не беда. А адрес ее?

– Назвать не смогу. Но зрительно... Она недалеко жила, и Юра мне показывал ее дом. Только узнаю ли его теперь? Столько времени прошло.

– Вы не против, если мы завтра с утра и поедем, поищем?

– Давайте прямо сейчас! – Оксана с готовностью вскочила со стула.

– Лучше завтра, Оксана, засветло. Вам легче будет опознать нужное здание.

...Не факт, подумал Кисанов, что эта Катя там живет до сих пор. А если переехала, где искать Юрия? Куда он мог отправиться, обнаружив, что по адресу, засевшему в его памяти, никакая Катя больше не проживает? Ладно, давайте переживать неприятности по мере их поступления. Поищем пока Екатерину Шаталову подручными средствами, по своим базам данных. У Киса водились собственные, хоть и малость устаревшие. В крайнем случае, он к своим товарищам с Петровки, 38, обратится, где когда-то сам работал оперативником. Он сохранил добрые отношения с бывшими коллегами, а с некоторыми из них и дружбу.

Он спросил Оксану о возрасте Кати, та подсчитала и назвала год рождения с точностью плюс-минус один. Отчества она, конечно, не знала. Ну ничего, с годом рождения круг прилично сужается, если искать по базам данных.

Алексей, не теряя времени, набрал номер своего помощника Игоря и поручил пошарить в рабочем компьютере – вдруг в его купленных когда-то пиратских справочниках найдется информация о бывшей Юриной жене. Затем посмотрел на часы: Толя вот-вот вернется. Алексей решил, что только в Юрин телефон (если аппарат заработает, разумеется) посмотрит и сразу уедет. За окнами уже давно темно, и ему хотелось бы провести вечер с семьей, с Сашей и детишками. Малыши обожают, когда папа дома. Что случается отнюдь не каждый день. Да и Роман, его старший сын, собирался к ним заглянуть вечером...

Оксана окликнула Алексея: попросила помочь накрыть на стол. Толика все не было, и Кис смирился со своей участью. Он послушно загрузился тарелками и приборами на кухне, принес их в гостиную, расставил на столе. Оксана что-то ставила в духовку, что-то доставала из холодильника, нарезала и раскладывала по тарелочкам. Кис снова отнес на большой стол посуду: на этот раз рюмки и бокалы. Затем понес бутылки: вино, водку, коньяк, виски. Воду простую и газированную, пепси-колу...

К моменту возвращения Толика стол был полностью сервирован. Однако первым делом мужчины вставили новую батарейку в телефон, и он заработал.

– Там Катин номер может оказаться? – мягко спросил детектив.

Оксана покачала головой.

– Нет, откуда! Мы с ней не общаемся уже лет десять, не меньше. За это время и мобильники, и симки менялись не раз.

Вот досада. Следовало раньше задать Оксане этот вопрос, Алексей только напрасно время потерял. Они с Толей все же принялись изучать телефон Шаталова, но там оказалась всего лишь одна Катя: племянница.

– Надеюсь, завтра я сумею опознать Катин дом, и мы найдем Юру! – Оксана обвела мужчин сияющим взглядом. – Главное, он жив и здоров! Давайте же это отметим, прошу за стол!

Алексей снова вознамерился откланяться, но ему снова не удалось: раздалась трель входного звонка. Приехала Аня, Толи Овчинникова супруга и подруга Оксаны. Энергичная женщина с короткой стрижкой – светлые волосы торчали прядками в разные стороны, отчего вызвали ассоциации с головой соломенного пугала, – бросилась к хозяйке дома с такой пропульсивной силой, что вокруг нее, казалось, возникли завихрения воздуха.

– Ксана, поздравляю! Какая радость, какая новость! А ты, со своей полицией, что, не мог сам додуматься? – без перехода обратилась она к мужу. – Ксанка должна была огромные бабки частнику заплатить, чтобы он нашел Юрку в ближайшей деревне?!

Алексей, конечно, не поморщился, вежливость не позволяла, хотя очень хотелось. Он не выносил подобный стиль поведения, да и сам типаж бой-бабы, шумной и не умной, но очень самоуверенной.

Толик не нашелся, стушевался под напором супруги, лишь принялся ус свой наглаживать.

– Ближайшие деревни полиция как раз обошла, – негромко произнес Алексей. – Но Юра оказался в отдаленной. Трудно было предположить, что раненый сумеет дойти до нее.

– Но вы-то предположили! – запальчиво произнесла Аня, повернувшись к нему. – Это же вы тот самый детектив, как я понимаю.

– Детектив я тот самый. Но я другое предположил.

– И что же это такое особенное?!

Не так уж мало на самом деле. Пусть и по мелочи, тут да там, – а в результате сложилась нужная картина. Предположил, к примеру, что незначительное количество крови связано с неогнестрельной травмой – иначе бы Юрий почти

наверняка нашелся в больнице; и что к Юре вполне могли подобраться и нанести удар по голове чем-то тяжелым; и что сердобольных жителей в ближнем периметре богатых особняков обнаружить трудно, отчего следовало искать их несколько дальше – там, куда Юра при своем ранении все-таки дошел, а вот местная полиция чуток не дошла... Но объяснять все это крикливой особе ему не хотелось.

– Ваш супруг в курсе, спросите у него. А мне пора. Толя, можно тебя на минутку?

Они отошли в сторонку.

– Ты все-таки Юрин телефон еще проверь. Такая надоедливая дамочка, как эта Катя, могла доставать его и дальше. Так что просмотри «Контакты»: нет ли ее там под каким-то другим обозначением, например «Бывшая» или что-то в таком роде.

– Сделаю, – кивнул Анатолий и извиняющимся голосом проговорил: – Ты на мою Аньку не обижайся, она нормальная баба, это она за меня так переживает...

Так переживает, что постоянно пилит, – о да, такую породу женщин Кис знал.

– ...Всем доброго вечера! – громко произнес он. – Оксана, завтра подтягивайтесь к десяти утра, встречаемся у вашего бывшего дома. Адрес я записал.

Кис направился было к выходу, но Толик его догнал.

– Ты чего, а застолье как же? Хозяйку обижаешь!

– Мне пора, – твердо произнес Алексей.

– Да? Ну тогда чего ж... Жалко. Ща бы выпили, расслабились чуток...

– Я за рулем. Мне еще домой возвращаться.

– А я завтра тоже подъеду. Поучаствую в экстрадиции Юры как представитель власти, – смущенно хохотнул Толя.

Кис кивнул.

– Не, а главное, что Оксана-то в Москву не любит ездить. Так я ее доставлю! – он заглядывал Алексею в глаза, ища поддержки. Его не отпускала неловкость за жену.

– Вот и отлично, до завтра! – подытожил детектив и покинул гостеприимный дом.

Часть вторая

– А я нам елку привез!

Юля обернулась. Том стоял в дверях с небольшой елью, затянутой в сетку. В комнату заструился свежий, живительный запах хвои.

– Игрушки надо будет купить, елочные. Новый год ведь скоро, – добавил он. – Свет зажечь?

В комнате клубились сумерки, неслышно вползающие в окна, и в их синевато-фиолетовом свете силуэт девушки, казалось, тревожно мерцал.

– А новости привез? – напряженно спросила Юля.

Том, не сняв куртку, прошел в комнату, сел на стул, елку положил у ног. Снял очки, протер, снова надел. Юля тоже села, напротив. Сложила руки на столе.

Свет Том так и не включил и теперь с напряжением всматривался в лицо девушки.

– Я попытался поднять тебе настроение... Не вышло, да?

– Том, не тани, говори! Все плохо?

Молодой человек с сожалением кивнул.

– Они сменили не только провайдера, но и компы. Мой хакер это подтвердил.

Юля не ответила, отвернулась. Том – на самом деле Никита Томашевский, от фамилии и прозвище – некоторое время созерцал ее профиль, обращенный к темному окну. Профиль нежный, волнующий, с летящим и чувственным росчерком линии губ.

– Так нельзя, Юль.

– Я тебе шах поставила.

Том мельком глянул на шахматную доску с фигурами, раскрытую на столе. Она никогда не убиралась, уже на протяжении нескольких лет, только изредка Том смахивал с нее пыль. Эта доска была у него с детства, именно на ней маленький Никита начал учиться играть в шахматы с отцом. Он возил ее с собой повсюду, даже на отдых с родителями, где на пляжах всевозможных курортов обыгрывал дядек, пожелавших сразиться с пацаном. И хотя у него было несколько наборов шахмат – и электронных, и из дорогих материалов: черные – эбеновое дерево, белые – слоновая кость, – именно эту первую, старенькую и облезлую доску он считал своим талисманом.

Несмотря на подступающую темноту, Никита разглядел диспозицию оставшихся на доске фигур.

– Молодец, – одобрил он. – У тебя есть шанс поставить мне и мат, – засмеялся он.

Но Юля не ответила, не улыбнулась, не подхватила его шуточный тон.

Никита потянулся через стол, взял ее ладони в свои, сжал.

– Юлька, не кисни, мы что-нибудь придумаем!

Она медленно высвободила свои ладони, поднялась, пересела на диван, покрытый пестрым рядом. Ее силуэт полностью утонул в темноте.

Том тоже поднялся, подошел к двери и щелкнул выключателем. Комнату залил желтоватый свет от старой трехрожковой люстры.

Когда-то, еще в начале девяностых, его родители купили этот дом в деревне за бесценок у одной старушки и ездили туда отдыхать каждое лето, тем более что несколько их друзей обзавелись домами по соседству. Веселое было время – время их молодости, беспечной и еще бездетной...

Но чем лучше шли у них дела, тем реже они приезжали в деревню, а к моменту рождения сына дом был заброшен окончательно. Из рядовых советских инженеров с крошечной зарплатой («зряплатой», как тогда острили) родители Никиты превратились в преуспевающих предпринимателей, построили дорогостоящий терем в ближнем Подмоскovie, куда и привезли новорожденного сына из роддома.

Однако Никита, пока рос, не раз слышал о деревенском доме в родительских воспоминаниях, о веселых молодых временах и однажды запросился навестить его. Он ему рисовался почти живым, теплым, деревянным, сказочным: такой Дедушка Дом.

Родители уступили напору мальчика и повезли его в деревню. Опасались, что избушка давно прохудилась, а то и вовсе развалилась, – или что прибрали ее, бесхозную, к рукам резвые соседи. Ан нет, напрасны оказались опасения: стоял Дедушка Дом, стоял! Постарел, поседел, малость скрючился, но держался. И никто его не тронул, не разобрал на бревна – потому что никому теперь деревенские дома не нужны даже на дрова.

Никита сразу влюбился в Дом, и он ответил ему взаимностью, согрев теплом своих шершавых бревенчатых стен. К тому времени в деревне почти никого не осталось – молодые покинули ее в поисках лучшей жизни, старики потихоньку покидали, отправляясь в «лучший мир», – а несколько москвичей, купивших, как и родители Никиты, тут дома, наезжали лишь летом, и то не каждый год – зачем ехать в захолустье, когда стало по карману полететь в Венецию или на Канары.

Хотя летом тут было изумительно: рядом речка, грибной-ягодный лес. Бывшие колхозные поля, давно заброшенные, еще давали стихийные урожаи картошки, лука, свеклы, что городским жителям чрезвычайно нравилось: редкое удовольствие выдернуть своими руками какую-нибудь репку из земли, да сразу

ее на ужин и употребить. И в соседних садах, утративших хозяев, все еще плодоносили вишни, яблони, груши – бери не хочу, ведь ничейное... Но зимой, конечно, тут делать нечего, да еще в одиночестве. Лишь Никита приезжал сюда, в глушь, чтобы подготовиться к очередному турниру по шахматам. В свои семнадцать он стал чемпионом России среди юниоров и намеревался принять участие в грядущем первенстве Европы. Оттого ценил уединение в забытой богом и людьми дыре, где не имелось ни Интернета, ни телевидения и где он мог без всяких помех предаваться тренировкам дни напролет. Он научился топить старую печь, рубить и сушить дрова, доставать воду из колодца. Он навез туда множество полезных вещей – инструменты, консервы и крупы, одеяла, средства от комаров и мух, посуду... Всего и не перечислишь. Обустроился, в общем. У него уже давно имелась машина – в принципе, водить ее он был обязан в присутствии взрослых, но Никита выглядел несколько старше своих семнадцати, и его пока ни разу не остановили. А родители ему доверяли, если не сказать – потакали: растить в семье кандидата в чемпионы Европы по шахматам было до головокружения лестно. Иногда Никита даже задавался вопросом: а ну как уродился б он обычным мальчишкой – его любили бы меньше? В этом таилось что-то обидное, в родительской гордости за его талант.

Но он не зависал над такими проблемами. Не обижался. Подумаешь, ерунда, люди так устроены. Одним нужна престижная машина, другим – престижный ребенок. Хотя у его родителей как раз всё было престижное: и ребенок, и машина, и дом, и работа. И это отлично. Никита с удовольствием пользовался благами, которые щедро предоставляли ему предки. И столь же щедрым их доверием. Он ведь такой умный мальчик, такой взрослый, такой талантливый – он не подведет! Посему и не знал он ни в чем отказа.

Юля ворвалась в его одиночество неожиданно, чиркнула кометой по его небосклону. Они давно зависали на одном сайте, где играют в шахматы онлайн, и уже больше года сражались друг против друга. Том – таков был его псевдоним на сайте – выигрывал у нее почти всегда, но Юля не сдавалась, яростно боролась до последнего и совершенствовала свое мастерство с необыкновенной скоростью. Она была на год с лишним младше, и Том с интересом наблюдал за ее быстрым ростом. Разумеется, они не только играли, но и общались – поначалу скупое, но со временем их разговоры становились все длиннее и подробнее. Потом они обменялись фотографиями – друг другу понравились; потом вышли в видеочат...

И понравились друг другу еще больше.

Вот тогда все началось. Внутри стало вздрагивать и волноваться в предвкушении очередного сеанса связи, и предвкушение это стало самым главным, самым важным чувством. Ради виртуальной встречи жилась весь скучный день, а предвкушение золотило его, расцвечивало волшебными красками и сладостно хмелило.

К концу лета они признались друг другу в любви. Они не могли оторваться от экрана, от созерцания любимого лица, изнемогая от беспомощного желания поцеловать в реальности вот эти губы... эти глаза... эту шею... К несчастью (или к счастью, это чьими глазами на ситуацию посмотреть), их разделяло весьма приличное расстояние. Оно было преодолимо, конечно, тем более что у Тома имелась собственная машина, – но им обоим хватало ума понять: однодневное свидание лишь раздует страсть, не утолив ее. А на большее рассчитывать не приходилось. Юля пошла только в десятый класс и жила с родителями. Хотя Тому и в этом отношении было проще: он уже учился на математическом факультете университета – в школе перепрыгнул через два класса и в свои семнадцать с хвостиком являлся студентом, хотя почти формально. Факультет тоже гордился своим шахматным чемпионом, и его отсутствие на лекциях и семинарах преподаватели будто не замечали.

Пришлось влюбленным приложить волевые усилия, чтобы вернуть головы в рабочее состояние. Впрочем, головы были умные и рассудительные. Никита победил на первенстве России и теперь должен был готовиться к первенству Европы; Юля выиграла городской, затем районный турнир и готовилась к областным состязаниям...

Они договорились, что как только пройдут их турниры – у каждого свои, – они непременно найдут способ встретиться в реале. А пока жили шахматами и своей виртуальной, но величайшей в мире любовью...

До тех пор, пока однажды, в конце сентября, Юля не написала Никите: «Мне нужно скрыться из города. Моя жизнь в опасности. Приютишь?»

Никита не сразу поверил. Это казалось дикостью, киношной нелепостью. Но Юля была полна решимости бежать из дома и просила его о защите. Обещала всё объяснить при встрече.

Он приехал за ней в Энск. Ждал ночью в условленном месте, удивляясь и волнуясь. Юля появилась возле его машины в три пополуночи, как обещала; открыла дверцу, взгляделась в него.

– Том? Надо же, а ты точно такой, как на экране...

Она стащила с себя увесистый рюкзак, – может, надо было помочь, но Никиту будто парализовало, только сердце его гулко билось. Юля тоже была точно такой, как на экране, – или нет, еще красивее!

Положив рюкзак на заднее сиденье, Юля села на пассажирское рядом с Никитой. От волнения он не сумел выговорить ни слова.

– Ну, здравствуй... – произнесла девушка и поцеловала его в щеку. – Поехали поскорее отсюда. Надеюсь, за мной не следят.

Они позавтракали в Москве, в каком-то рано открывшемся кафе, затем зашли в супермаркет, чтобы Юля выбрала продукты на свой вкус. Никита тайком посматривал на нее, все еще не веря, что его виртуальная любовь материализовалась рядом с ним, что можно касаться ее руки, плеча, слушать ее голос, чувствовать ее запах... Градус его влюбленности стремительно поднимался. Юля же казалась печальной; в то же время практичной, деловой – может, прятала за деловитостью смущение? – и задавала вопросы, выбирая покупки: «А холодильник там есть? А Интернет? А горячая вода?»

Там – то есть в Доме – было почти все. Когда Никита изъявил желание отшельничать в этой глуши, отец нанял рабочих, дом отремонтировали. Заменяли электропроводку, сделали душевую, поставили мощный насос, который гнал воду для бытовых нужд. Правда, изредка случались в его работе сбои, и тогда приходилось таскать воду из колодца. С электричеством тоже возникали перебои, поэтому папа привез генератор, научил сына его запускать. Иными словами, быт в Доме был весьма неплохо налажен, в чем Никита смело заверил девушку. Единственное, чего там не было, – так это Интернета. Впрочем, мобильный там ловил, и при желании можно было через него выходить в Сеть. Однако желания у Никиты никогда не было: шахматы занимали весь его досуг.

– Тем лучше, – отреагировала Юля.

Никита купил вино, деликатесы, – хотел обставить их встречу красиво. Он не знал, чего ждал с бо?льшим нетерпением: узнать, что там приключилось, в Энске, отчего Юле пришлось бежать, – или их первого в реале поцелуя... Его лихорадило, он не понимал, как себя вести. В виртуале они ощущали, что готовы броситься друг другу в объятия, предаться ласкам, заняться любовью... Но внезапная встреча в реале спутала все карты. Никита робел, а Юля... Ее мысли витали далеко.

Никита решил, что пусть все идет, как идет. Сначала Юле нужно отдохнуть, ведь она провела бессонную ночь. Он тоже, к слову, так что поспать час-другой не помешает. А вечером он устроит ужин при свечах. Расспросит, что же с ней случилось... И дальше все решится само собой.

Покончив с закупками, они тронулись в путь и вскоре прибыли в деревню.

Было всего лишь начало дня, но у Юли закрывались глаза от усталости. Она ничего не видела вокруг – да вокруг ничего и не было, лишь пышная зелень сплошной массой, похожей на толщу воды. Старый Дом в ней утопал, и ей вдруг представилось, что они с Томом маленькие, как мышки, и они нырнули в Дом, как в норку.

Когда на следующий день Юля вышла из дома в ослепительное утро, где солнце играло в зайчики с еще не опавшей листвой, она поняла, отчего ей привиделась накануне сплошная зеленая масса, похожая на море: деревья разрослись, бесхозные, не укрощенные рукой человека. Их было очень много, молодые тонкие стволы и густая поросль пониже нахально завоевывали деревенскую дорогу (по которой раньше могли проехать машины!), сузив ее до тропинки. Деревня «села», как садятся свитера после стирки, уменьшившись до размера одного дома. Казалось, они с Томом очутились в зеленой чаше, почти поглотившей их, – больше ничего не существовало за пределами этой чаши, они остались одни на всей земле. И только сверкающий самолетик в небе, вспахивая голубизну, напевал о других краях и странах.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

По русской литературной традиции, Энск или N-ск – означает некий вымышленный город.

2

Подробно об этом читайте в романе Татьяны Гармаш-Роффе «Расколотый мир».

Купить: <https://telnovel.com/tatyana-garmash-roffe/otrubit-golovu-drakonu>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)